

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1913 г.

1913 г. СОДЕРЖАНИЕ. Выпуск 2

	Стр.
Дѣтямъ. Стихотвореніе Ю. Зубо- скаго.	44
Зимой. Стихотвореніе А. Будинскаго	44
Въ лѣсу. Стихотвореніе А. Богданова.	45
Сказка. Соч. Израиля Рабиновича.	46
Соловей и коршунъ. Сказка П. Су- роженскаго.	48
Ночь. Стихотвореніе П. В. Бижова	53
Васенька-котикъ. Разказъ С. Гу- сева-Оренбургскаго	54
Сонъ въ степи. Разказъ Л. Ясин- скаго.	58
Тимоха и Ильюша. Комическая сценка Теди Кляя	61
Дрова. Разказъ А. Зарина.	62
Попугай Полли. Разказъ	64
Предтечи аэроплана. Очеркъ про- фессора Гитца.	67
Притворство животныхъ. Статья	70
Тайны морской глубины. Статья	71
Искатели жемчуга. Статья	72
Игры и забавы: 1) При помощи зер- каль. 2) Какъ построить гидро- скопъ	73

КАРТИНЫ: Съ натуры. Картина испол-
ненная красками. 2) Первый снѣгъ.
Автотипія.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Дѣтскій театръ. Пьесы. 2. Малень-
кій звѣринецъ.

ЗЕМЛЯНИКА.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

Жаворонокъ.

ХОЛОДНО!

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

ДѢТЯМЪ.

Дѣти, любите свободу и солнце,
 Яркаго солнца задумчивый ликъ—
 Ихъ не замѣнятъ вамъ груди
 червонцевъ,
 Груды игрушекъ, картинокъ и книгъ.
 Дѣти, любите живущихъ безъ
 счастья,
 Скорбно несущихъ терновый вѣнецъ,
 И отдавайте имъ ласки участя
 Вашихъ прекрасныхъ и чистыхъ
 сердець.

Юрій Zubовскій.

ЗИМОЙ.

Варя надъ полями алѣетъ,
 Свѣтаетъ, рѣдѣетъ туманъ,
 И звѣздами инея сѣетъ
 На скатѣ оврага бурьянъ.

Тамъ, нюхая воздухъ, лисица
 Голодную мышъ сторожить,
 А въ садикѣ снѣжномъ синица
 Задорною пѣсней звенить.

Щебечеть, какъ будто смѣется,
 Знать, сердце надеждой живетъ,
 Что красное лѣто вернется
 И къ намъ мимоходомъ зайдетъ;

Заглянетъ въ крестьянскія хаты,
 Въ окошко дождемъ застучить.
 — За сохи! За косы, солдаты!—
 Надъ бѣднымъ селомъ закричить.

— Очнися, рабочее племя!
 За дѣло, сермяжная рать!
 Настало горячее время,—
 Довольно сохѣ отдыхать!

Ужъ верба сережки надѣла,
 Ужъ въ сѣнцахъ касатки поютъ,
 Да здравствуетъ каждое дѣло,
 И каждый осмысленный трудъ!..

Ал. Будищевъ.

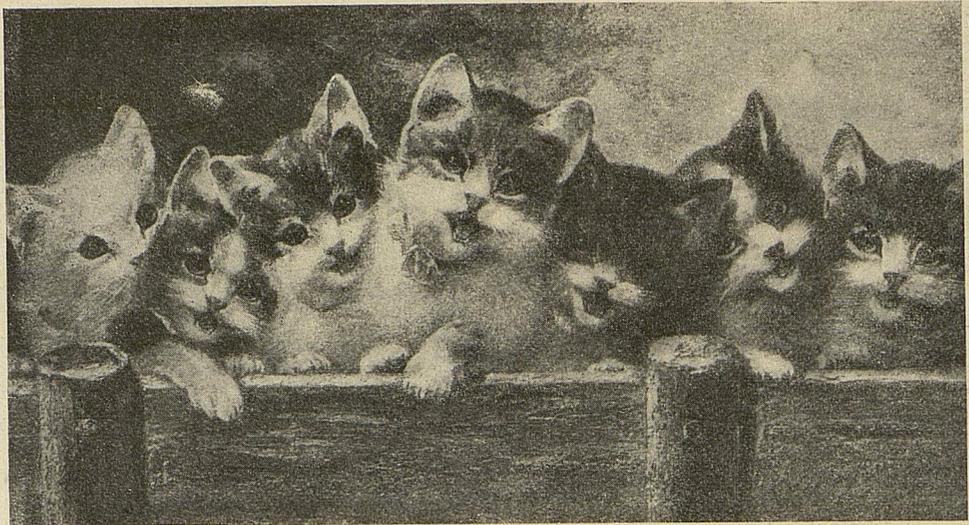
ВЪ ЛѢСУ.

Оконченъ тяжелый и скучный урокъ...
Усталой головкой ты къ книжкамъ склонился...
О чемъ-же скорбѣть, сокрушаться, дружокъ?..
Давно-бы въ лѣсу я—на волѣ—рѣзвился...
Пойдемъ-же, товарищъ, скорѣе со мной...
Какія намъ сказки ручей поразскажетъ!..
Нарядно-зеленой и тѣсной стѣной
Разступится ельникъ и тайны покажетъ...
Какую намъ пѣсню споетъ соловей!..
Послушать, — свою сочинишь поневолѣ...
Тамъ—гульбища зайчиковъ, колкихъ ежей...
Не трогай!.. Пускай ихъ играютъ на волѣ!..
Тамъ карла-волшебникъ изъ темныхъ кустовъ
Къ намъ съ палочкой выйдетъ, осыплетъ цвѣтами...
Ой, старый проказникъ!.. Намъ мало цвѣтовъ...
Открой-ка дворецъ свой хрустальный предъ нами...
Такое раздолье, —раздолье кругомъ!..
Коль надо, —изъ чащи бѣжимъ на опушку...
Коль надо, —для птенчиковъ мухъ наберемъ...
А то —поразспросимъ вѣщунью-кукушку:
— Узнай-ка, бездомница, сколько намъ лѣтъ?..
— Пятнадцать?..—А вотъ и ошиблася...—Нѣтъ!..
— Ну, завтра ты можеть быть скажешь вѣрнѣй?..
Пойдемъ-же, товарищъ, пойдемъ поскорѣй!..

Ал. Богдановъ.

ЛѢТО.

Съ картины А. Вечерника.

СЕМЬ СЕСТРИЦЪ.

Сказка

Соч Израиля Рабиновича.

то было въ утро дней жизни нашей земли, въ тѣ дни, когда божественное могучее слово «да будетъ» еще не умолкло во вселенной: его эхо катилось изъ міра въ міръ, звучало во всѣхъ углахъ земли, носилось по горамъ и долинамъ, плыло по малымъ и большимъ водамъ, дрожало среди деревьевъ лѣса.

Послѣ долгаго дня свѣта и сіянія усталое солнце явилось Богу, упало предъ его трономъ, и такъ говорило оно:

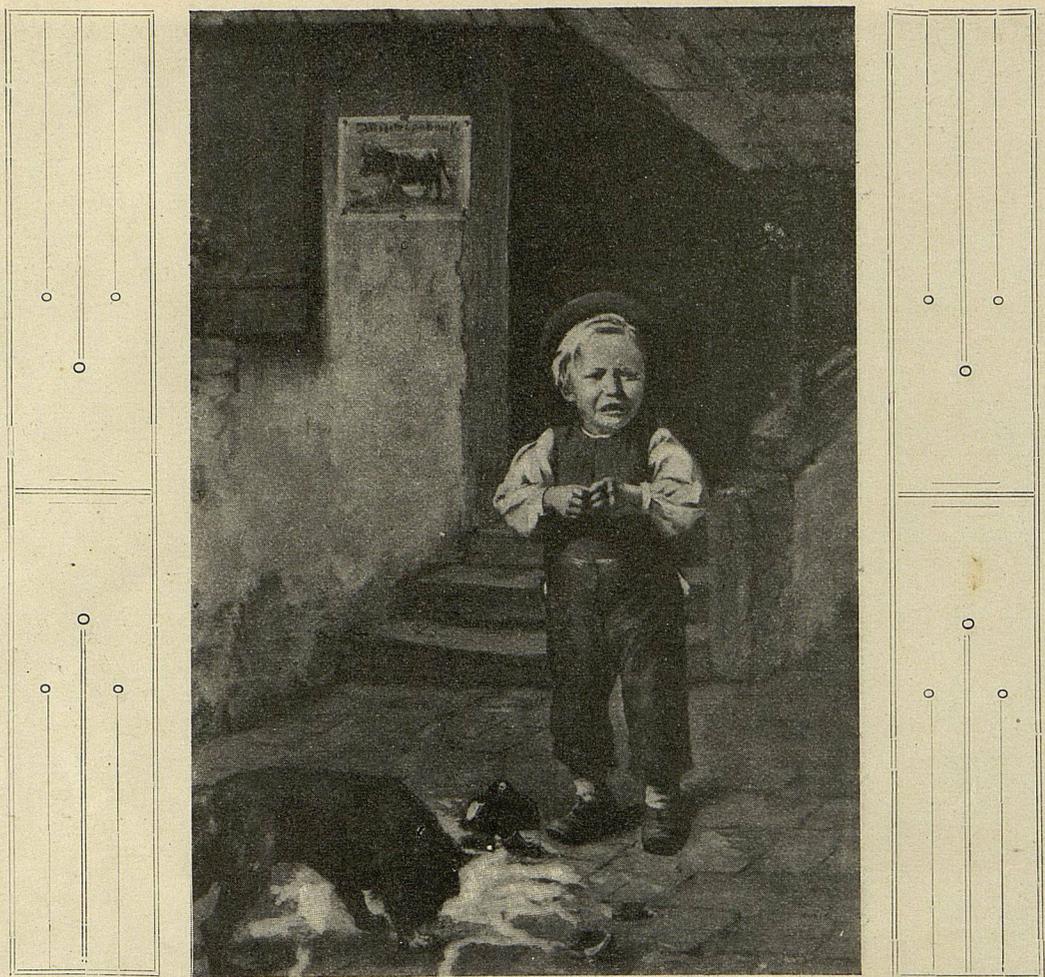
— Широка и огромна твоя земля, велико число всѣхъ тварей, что живутъ на ней, нѣтъ счета тѣмъ деревьямъ и травамъ, цвѣтамъ и плелемамъ, что сосутъ ея грудь, велики и безбрежны моря-океаны, что отъ края и до края омываютъ ее. И всѣ Твои творенія хотятъ свѣта и лучей; все, что живетъ и дышитъ, все, что ходитъ и летаетъ, все, что растетъ и цвѣтетъ, все, что течетъ и катится, что плачетъ и смѣется,—все жаждетъ свѣта и сіянія. Велика и трудна моя работа: нужно опуститься на дно пропасти, забраться въ чашу лѣсную, проникнуть въ горныя тѣснины, надо заронить хоть одинъ лучъ и въ пещеру льва, и въ норку полевой мышки. А кто по веснѣ на зарѣ поцѣлуетъ распускающійся василекъ, кто улыбнется новорожденной травкѣ? Вонъ далеко въ полѣ одиноко лежитъ мхомъ поросшій камень,—кто пошлетъ ему привѣтъ? Какъ море полно воды, какъ пустыня песку—такъ земля твоя полна жизни и жажды жизни—я не въ силахъ освѣщать всю землю! Моей блѣдной сестрѣ—лунѣ, царицѣ ночей, ты далъ миллиарды помощниковъ. И когда усталая отъ сіянія она бросится на снѣжныя лавины тучекъ небесныхъ, тогда землю освѣщаютъ маленькія звѣзды, что, какъ чистыя очи дѣтей, смотрятъ съ вышины.

Такъ говорило солнце... и Богъ услышалъ его голосъ.

Въ ту ночь, на помощь солнцу на землѣ три новыя жизни зажглись, трое дѣтей родилось, то были: первый художникъ, первый музыкантъ и первый поэтъ.

КАВАЛЕРИСТЪ.

Съ картины *Θ. Клеехаса.*

НЕЗАДАЧА.

СОЛОВЕЙ И КОРШУНЪ.

Сказка П. Сурожнаго.

I.

иль-быль въ лѣсу соловей. Свилъ онъ себѣ въ орѣховомъ кустѣ гнѣздышко, вывелъ дѣтокъ. Днемъ ловилъ мухъ, букашекъ, мошекъ и кормилъ ими своихъ дѣтей. Маленькіе птенцы весело попискивали, когда соловей приносилъ пищу и, наѣвшись, мирно дремали въ мягкомъ гнѣздышкѣ. И соловей дремалъ вмѣстѣ съ ними, отдыхая послѣ хлопотливой бѣготни за кормомъ.

А по вечерамъ, покормивъ еще разъ своихъ птенцовъ, соловей садился возлѣ гнѣздышка въ глубинѣ орѣховаго куста и пѣлъ. Его пѣніе слушали маленькіе птенчики, слушалъ лѣсъ.

По вечерамъ, когда заходило солнце и тихо свѣтила заря, лѣсъ умолкалъ, въ глубинѣ его бродили сумерки, летали тихіе сны. И въ тишинѣ вечера звонкимъ бисеромъ разсыпались соловьиныя пѣсни. И, слушая ихъ, медлила уxo-

дить вечерняя заря, стояли, какъ замороженные, кусты и деревья, и ясный мѣсяцъ спѣшилъ выйти на средину неба, чтобы заглянуть тихими, ласковыми очами вглубь лѣса, откуда плыла соловьиная пѣсня.

Но не всѣмъ, однако, нравились пѣсни соловья.

Рядомъ съ орѣховымъ кустомъ стоялъ высокій кленъ, а на вершинѣ его чернѣло большое неуклюжее гнѣздо. Въ этомъ гнѣздѣ жилъ старый коршунъ. У него тоже были дѣти. Весь день они пищали, широко раскрывая желтые рты, и коршунъ весь день угрюмо таскалъ имъ пищу. Онъ приносилъ мелкихъ пташекъ, мышей, даже маленькихъ утятъ и цыплятъ, которыхъ воровалъ по деревьямъ, и все это съѣдали его ненасытные птенцы.

Накормивъ дѣтей, коршунъ устраивался на отдыхъ въ своемъ гнѣздѣ и съ удовольствіемъ думалъ о томъ, что вотъ онъ сейчасъ заснетъ и будетъ спать всю ночь, пока не разбудитъ его утренній шумъ лѣса и пискъ голодныхъ птенцовъ.

Но тутъ раздавалась пѣсня соловья. Коршунъ не любилъ пѣнія. Всегда угрюмый и суровый, онъ молчаливо леталъ надъ полями, надъ лѣсомъ и не могъ понять, зачѣмъ поютъ другія птицы. Изрѣдка въ свободную минуту, послѣ удачной ловли, поднявшись высоко, онъ и самъ покрикивалъ коротко:

— Крылы... крылы...

Но это, конечно, было не пѣніе, и кричалъ онъ днемъ, а не ночью. Больше всего его раздражалъ соловей. Онъ пѣлъ по вечерамъ такъ долго и громко, что старый хищникъ не могъ сомкнуть глазъ.

Онъ давно-бы уже справился съ соловьемъ такъ, какъ справлялся съ своими врагами, т. е. съ помощью острыхъ лапъ и клюва, но гнѣздо соловья было въ такой гущинѣ, что коршунъ не могъ туда пробраться.

Однажды, послѣ прекрасной лунной ночи, когда соловей пѣлъ, не смолкая до разсвѣта, старый коршунъ сорвался съ своего гнѣзда, подлетѣлъ къ орѣховому кусту, гдѣ жилъ соловей, и проскрипѣлъ сердито:

— Послушай, сосѣдъ, ты своимъ глупымъ свистомъ мѣшаешь мнѣ спать. Мнѣ это не нравится. Если ты не перестанешь свистѣть по ночамъ, я поймаю тебя и убью.

У соловья похолодѣло сердце отъ этой угрозы. Онъ давно уже посматривалъ съ тревогой на гнѣздо сосѣда. Чернѣя на вершинѣ клена, оно пугало точно замокъ стараго колдуна, и соловей давно-бы уже оставилъ орѣховый кустъ, если-бы въ немъ не было такъ уютно. Онъ зналъ, что коршунъ злой, жестокъ, силенъ и раздражать его опасно. Поймаетъ и убьетъ. Съ нимъ это станется. И соловей умолкъ, робко припавъ къ своимъ дѣтямъ. За нихъ онъ боялся больше, чѣмъ за себя.

Когда утромъ коршунъ улетѣлъ въ поле ловить мышей и птичекъ, улетѣлъ за кормомъ и соловей. Онъ пугливо порхалъ по лѣсу, боясь удалиться отъ гнѣзда. Не выходила изъ головы угроза коршуна, и онъ рѣшилъ больше не пѣть по вечерамъ.

Грустный онъ вернулся домой, грустно кормилъ своихъ птенчиковъ. А вечеромъ молчаливо замеръ въ гнѣздѣ, прикрывъ крылышками дѣтей.

Онъ слышалъ, какъ вернулся съ поля коршунъ, съ какимъ алчнымъ писккомъ встрѣтили его голодные птенцы, какъ они жадно глотали принесенную имъ пищу, и какъ возился въ гнѣздѣ страшный сосѣдъ, устраиваясь на ночлегъ.

Уже зашло солнце, тихо горѣла заря, сумерки ложились по лѣсу, что-то шепталось въ кустахъ и заросляхъ, а соловей молчалъ. Грустно сидѣлъ онъ въ гнѣздѣ, и сердце то замирало, то билось. Все умолкло въ лѣсу, проглянули въ темной синевѣ звѣзды, золотой мѣсяцъ поднялся надъ лѣсомъ и, точно ожидая чего-то, остановился посрединѣ неба, а соловей молчалъ. По лѣсу смутно бродили тѣни, переплетаясь съ луннымъ свѣтомъ, тихо плыла на синихъ крыльяхъ ночь, благоухали цвѣты и капельками росы покрывались лѣсныя травы. Все замерло, прислушивалось и просило тихими, какъ вздохъ, голосами: «пой, пой, пой»... А соловей молчалъ.

Пѣсня рвалась изъ души, ему страшно хотѣлось пѣть. Онъ то открывалъ, то закрывалъ глаза, весь охваченный волненіемъ подступавшихъ къ горлу звуковъ. Но страшная угроза коршуна сжимала горло и онъ молчалъ и томился всю долгую ночь.

За то старый коршунъ спалъ спокойно. Проснувшись на разсвѣтѣ, онъ расправилъ крылья, стряхнулъ освѣвшую на нихъ росу и, поднявшись, плавно закружился надъ лѣсомъ. Онъ былъ доволенъ. Соловей не пѣлъ, напуганный его угрозой; солнце свѣтило ярко, легко было высматривать добычу.

Весь переполненный хищной радостью, онъ закричалъ алчно и громко:

— Крылы... крылы...

И полетѣлъ въ поле.

II.

Двѣ ночи молчалъ соловей, скованный страхомъ за себя и за своихъ птенцовъ. Двѣ ночи напраснымъ ожиданіемъ томился лѣсъ. Соловей не пѣлъ, и грустно, казалось, свѣтила луна, молчаливо стояли деревья и плакали беззвучно холодными капельками росы опечаленные цвѣты и травы. Всѣмъ хотѣлось соловьиныхъ пѣсень, безъ нихъ блѣдною и печальною казалась ночь, и больше всего хотѣлось этихъ пѣсень соловью.

Онъ загрузилъ, измучился, разсѣяннo ловилъ букашекъ и часто возвращался ни съ чѣмъ и, казалось, не слышалъ писка своихъ голодныхъ птенцовъ.

Вечеромъ его охватывало мучительно-сладкое томленіе пѣсни. Онъ садился на ту вѣточку, на которой обыкновенно сидѣлъ во время пѣнія, и уже готовъ былъ запѣть, но что-то сжимало горло, останавливало. Страхъ и желаніе боролись въ немъ, и побѣждалъ страхъ, хотя соловей и чувствовалъ, что уже почти не можетъ молчать.

Наступила третья ночь. Отгорѣлъ закатъ, въ синія сумерки облеклась земля. Луна поднялась надъ лѣсомъ яркая, полная, и все измѣнилось, стало таинственнымъ и прекраснымъ. Старыя деревья казались уже не деревьями, а великанами въ дорогихъ серебряныхъ доспѣхахъ; крѣпкія руки ихъ поднимались къ небу, на пальцахъ сверкали золотые перстни. Колючіе терновые кусты какъ будто двигались куда-то въ лунномъ свѣтѣ, опутанные волокнами хмеля. Надъ рѣкой блѣдно колыхался туманъ. Затаивъ шелесты, безмолвно стояли у воды посеребренные камыши. Все молчало кругомъ, зовя соловьиною пѣснью.

И пѣсня пришла.

Сначала тихо, робко, потомъ все громче, смѣлѣе она полилась изъ орховаго куста.

Это запѣлъ соловей.

Когда косые лучи мѣсяца освѣтили кусты орѣшника, рассыпавшись въ

гушинѣ на тысячи блестокъ, и одуряюще сладко запахлаи цвѣты, и тишина стала, какъ сторожъ, возлѣ каждаго дерева и каждаго куста, и все лѣсное точно прильнуло съ мольбой къ орѣховому кусту,—соловей закрылъ глаза и запѣлъ. Онъ не могъ не пѣть—пѣсня сама полилась; онъ не могъ не пѣть—разорвалась-бы отъ звуковъ грудь. И, забывъ о зломъ коршунѣ, о его угрозахъ, онъ запѣлъ вдохновенно и радостно, какъ, можетъ быть, не пѣлъ никогда.

Пѣлъ онъ о красотѣ лѣтней ночи, о тихихъ поляхъ, о свѣтлой рѣкѣ, о тишинѣ спящаго лѣса; пѣлъ о цвѣтахъ и о звѣздахъ, и о прекрасной лунѣ. Пѣлъ о томъ, какъ хорошо жить въ такую прекрасную ночь, когда полно и радостно раскрывается душа и хочется любить весь міръ—и небо, и землю, и каждую былинку на землѣ.

Напрасно ворочался старый коршунъ въ своемъ гнѣздѣ, громко хлопалъ крыльями и злобно скрипѣлъ клювомъ—соловей не слышалъ. Уже поблѣднѣла луна, тихій свѣтъ заструился съ востока и уходила блѣдная, испуганная разсвѣтомъ ночь, а соловей пѣлъ утренней зарѣ такія же вдохновенныя пѣсни, какія пѣлъ вечерней. И только передъ восходомъ солнца умолкъ соловей.

III.

Старый коршунъ не спалъ всю ночь. Онъ весь кипѣлъ злостью и рѣшилъ погубить соловья. Сталъ слѣдить за нимъ, когда тотъ вылеталъ изъ своего гнѣзда собирать пищу. Но соловей, чувствуя бѣду, не удалялся отъ гнѣзда и, заслышавъ тяжелые взмахи вражескихъ крыльевъ, прятался въ гушину орѣшника.

Какъ-то утромъ, послѣ дождя, когда въ воздухѣ кружилась всякая мошкара, соловей увлекся погоней за цвѣтными мухами, которыхъ такъ любили его птенчики, и незамѣтно очутился на опушкѣ, гдѣ начиналась степь.

Коршунъ издали слѣдилъ за соловьемъ и, выбравъ подходящій моментъ, бросился на него. Соловей опомнился только тогда, когда услышалъ надъ собою холодный свистъ крыльевъ врага. Коршунъ летѣлъ со стороны лѣса, и соловью не оставалось другого выхода, какъ только летѣть въ степь. И, напрягая всѣ силы, онъ помчался надъ степью.

На травѣ блестѣла роса, синѣли вдали древнія могилы, нигдѣ ни кустика, ни оврага. А вверху горячее солнце и голубое безпредѣльное небо.

Соловей слышитъ за собой тяжелый шумъ крыльевъ, видитъ скользящую по травѣ тѣнь и ему кажется, что коршунъ вотъ-вотъ догонитъ его и вонзитъ въ него свои острые лапы. Онъ летитъ какъ стрѣла, свистя въ воздухѣ тонкими крылышками. Еще немного—и слабыя, непривычныя къ такой гонкѣ крылья опустятся и хищныя лапы схватятъ его.

Въ отчаяніи соловей взметнулся кверху—и радостью наполнилась его душа.

Невысоко надъ степью, раскинувъ могучія крылья, летѣлъ орелъ. Онъ, какъ будто, висѣлъ въ воздухѣ, любясь раннимъ утромъ и степнымъ просторомъ.

Соловей зналъ эту прекрасную, царственную птицу, зналъ, что она сильна, справедлива, и, собравъ послѣднія силы, бросился къ орлу.

— Спаси меня,—крикнулъ онъ издали.— Не за себя молю, а за дѣтей.

Орелъ взмахнулъ нѣсколько разъ крыльями и сталъ между соловьемъ и коршуномъ. Коршунъ съ злобнымъ курлыканиемъ закружился на одномъ мѣстѣ.

— За что ты преслѣдуешь соловья?—строго спросилъ орелъ.

— Я хочу наказать его. Онъ нарушаетъ мой покой, не исполняетъ своихъ обѣщаній,—проскрипѣлъ коршунъ.

— Правду онъ говоритъ?

— Нѣтъ, могучій орелъ,—сказалъ соловей.—Онъ хочетъ убить меня за то, что я пою по вечерамъ. Онъ запретилъ мнѣ пѣть. Я не пѣлъ двѣ ночи, а на третью не удержался и запѣлъ. И за это онъ хочетъ убить меня.

Глаза орла блеснули негодованіемъ.

— Ты хищникъ и лжецъ,—сказалъ онъ коршуну.—Ты нападаешь на беззащитныхъ. Я уже не разъ слышалъ о твоей жестокости.

Грознымъ взмахомъ крыльевъ орелъ устремился на коршуна. Завязалась недолгая борьба. И коршунъ, какъ подстрѣленный, упалъ на траву.

— Лети къ своимъ дѣтямъ, теперь тебя никто не тронетъ,—сказалъ орелъ соловью и плавно поднялся вверхъ, въ синеву неба.

IV.

Поздно вернулся домой соловей.

Громко пищали его голодные птенцы и еще громче кричали птенцы коршуна. Съ утра они ничего не ѣли и теперь широко раскрывали алчные рты, требуя пищи.

Несмотря на усталость, соловей принялся за работу. До захода солнца онъ собиралъ жучковъ, козявокъ, мухъ, червяковъ—все, что попадалось въ лѣсу, и дѣлилъ добычу между своими дѣтьми и птенцами коршуна.

А вечеромъ, накормивъ птенцовъ, усѣлся на своей любимой вѣточкѣ и запѣлъ грустно и нѣжно, какъ поетъ мать надъ колыбелью ребенка. И маленькіе птенцы затихли подъ эту пѣсню.

Такъ было каждый день, каждый вечеръ.

Днемъ соловей собиралъ кормъ, а вечеромъ пѣлъ на орѣховой вѣткѣ. Пѣлъ такъ, точно сквозь слезы лились его пѣсни, точно призывалъ жалость и состраданіе къ тѣмъ, кому живется тяжело, трудно, убого, у кого нѣтъ радости, а только одиночество, горе, печаль...

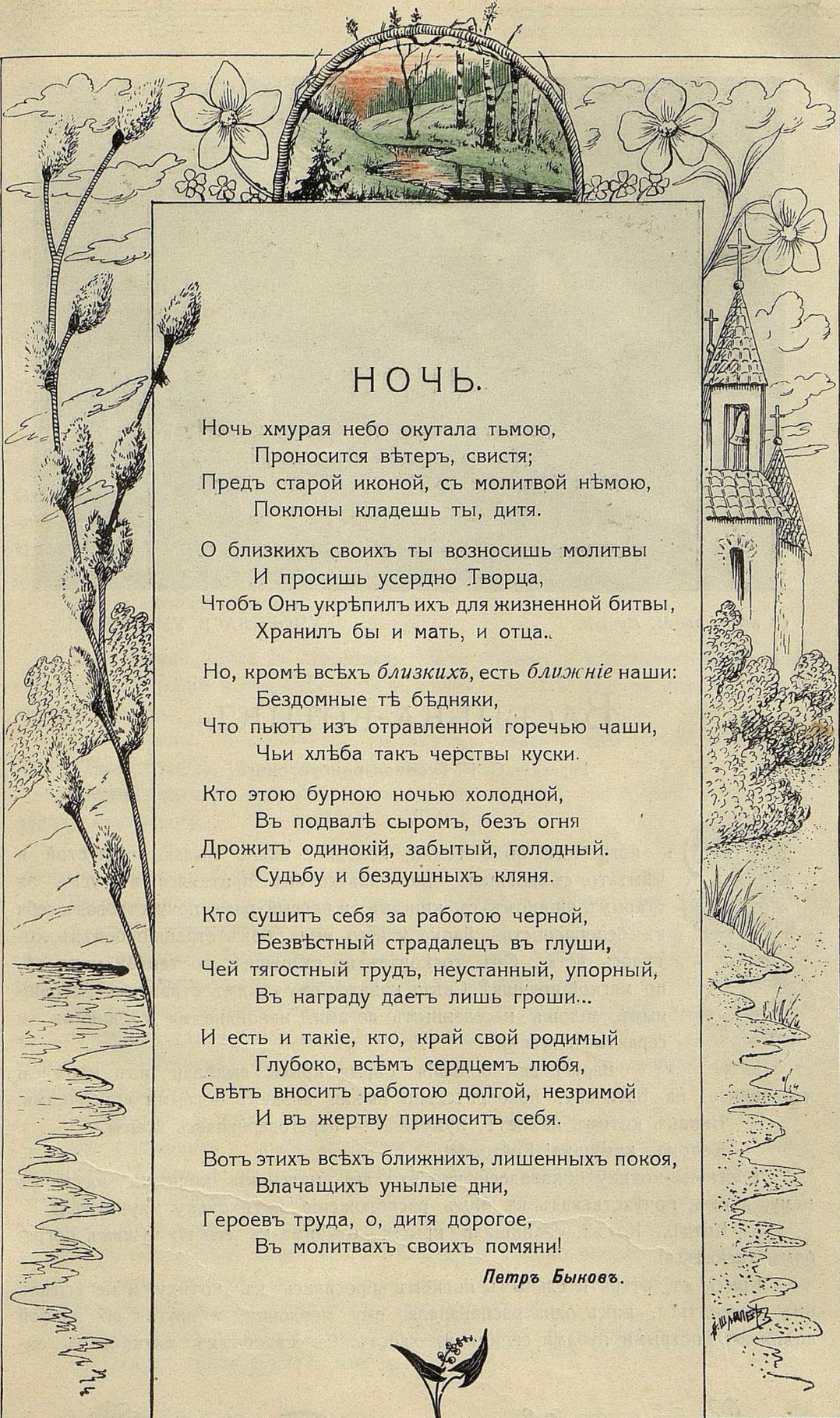
Слушали его великаны, деревья, тихая рѣка, дремлющіе цвѣты и удивлялись, отчего такъ грустно сталъ пѣть соловей.

Но было какое-то новое очарованіе въ его нѣжныхъ, обвѣянныхъ печалью, пѣсняхъ, и еще глубже замиралъ теперь лѣсъ, когда пѣлъ соловей.

П. Сурожскій.

Во пиру была!

НОЧЬ.

Ночь хмурая небо окутала тьмою,
Проносится вѣтеръ, свистя;
Предъ старой иконой, съ молитвой нѣмою,
Поклоны кладешь ты, дитя.

О близкихъ своихъ ты возносишь молитвы
И просишь усердно Творца,
Чтобъ Онъ укрѣпилъ ихъ для жизненной битвы,
Хранилъ бы и мать, и отца.

Но, кромѣ всѣхъ *близкихъ*, есть *ближніе* наши:
Бездомные тѣ бѣдняки,
Что пьютъ изъ отравленной горечью чаши,
Чьи хлѣба такъ черствы куски.

Кто эту бурною ночью холодной,
Въ подвалѣ сыромъ, безъ огня
Дрожить одинокій, забытый, голодный.
Судьбу и бездушныхъ кляня.

Кто сушить себя за работою черной,
Безвѣстный страдалецъ въ глуши,
Чей тягостный трудъ, неустанный, упорный,
Въ награду даетъ лишь гроши..

И есть и такіе, кто, край свой родимый
Глубоко, всѣмъ сердцемъ любя,
Свѣтъ вносятъ работою долгой, незримой
И въ жертву приносятъ себя.

Вотъ этихъ всѣхъ ближнихъ, лишенныхъ покоя,
Влачащихъ унылые дни,

Героевъ труда, о, дитя дорогое,
Въ молитвахъ своихъ помяни!

Петръ Быновъ.

Съ картины М. Вунша.

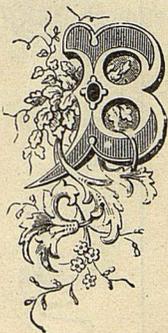
УМОРИЛАСЬ, УМОРИЛАСЬ!...

ВАСЕНЬКА-КОТИКЪ.

Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.

Окончаніе.

IV.

Въ погребицѣ было темно, холодно, пахло пылью, капустой и чѣмъ-то съѣдобнымъ. Васенька-котикъ притаился въ углу, за старымъ ящикомъ съ книгами, и первый разъ почувствовалъ себя въ безопасности. Лапка у него ныла, бокъ страшно болѣлъ, хотѣлось ѣсть... Онъ тосковалъ по старушкѣ, по теплой комнатѣ, по мягкой подушкѣ. Свѣтъ казался ему такимъ страшнымъ, страшнымъ, сплошь населеннымъ догами, назойливыми собачками и сердитыми гусями.

Вдругъ двѣ большія сѣрыя крысы вылѣзли изъ норъ и уставились на Васеньку, подозрительно нюхая воздухъ острыми мордочками.

— Никакъ котомъ пахнетъ, кумушка?..—переговаривались крысы.

— Котомъ, кумушка! Ко-томъ!!

Васенькѣ-котику показалось, что это двѣ маленькія кошечки идутъ къ нему, и онъ, почувствовавъ къ нимъ расположеніе, потихоньку мяукнулъ...

— Котъ!.. Котъ!!.—запищали крысы:—отучимъ-ка его по чужимъ погребамъ таскаться!

Крысы съ отвратительнымъ пискомъ бросились къ котику, и не успѣлъ онъ опомниться, какъ одна расцарапала ему мордочку, а другая со злобой вцѣпилась острыми зубами своими въ хвостъ. Съ жалобнымъ мяуканьемъ за-

метался Васенька-котикъ по погребицѣ, а крысы скрылись по норамъ своимъ и, выставивъ оттуда острыя мордочки, смѣялись надъ нимъ:

— Что взялъ, котище несчастный!.. Что?!

Васенька-котикъ пролѣзъ сквозь узкое отверстіе въ стѣнѣ, между разошедшихся досокъ, въ просторный сарай, гдѣ стояли большія кареты, черныя повозки и маленькіе шарабанчики. Теперь Васенька-котикъ боялся всего на свѣтѣ и, пугливо озираясь, осторожно крался въ темнотѣ, самъ не зная куда, лишь бы уйти подальше отъ страшной погребицы. Долго бродилъ онъ по обширнымъ сараямъ, гдѣ пахло щепками, мусоромъ, дровами; попадалъ въ темныя земляныя ямы съ затхлымъ воздухомъ, наполненныя бочками и пыльною рухлядью... Наконецъ, по старой лѣстницѣ съ кривыми ступенями проникъ онъ на обширный чердакъ.

Здѣсь было темно, и лишь въ слуховое оконце пробивался тусклый лучъ свѣта... При его отблескѣ Васенька-котикъ разсмотрѣлъ груды пыльнаго хлама, изорванной одежды и пустыхъ разбитыхъ сундуковъ съ оторванными крышками. Онъ спрятался въ одинъ изъ сундуковъ и сталъ облизывать свое бѣдное израненное тѣло. Бѣдняжка чувствовалъ себя больнымъ, голоднымъ и несчастнымъ. Маленькое сердечко его сжималось тоскою при мысли, что всѣ его обижаютъ, и никто, никто больше не хочетъ приласкать!

Вдругъ онъ вскочилъ въ испугѣ.

V.

Злая, рыжая морда съ огромными усами заглянула въ сундукъ, и на край его вскочилъ тощій котъ. Онъ выгнулъ спину, поднялъ на ней шерсть и отчаянно завылъ:

— М-м-разы!.. Ф-ф-р-анты!.. Ты зачѣмъ здѣсь?.. Кто тебѣ позволилъ? А-а?! Вонъ отсюда, несчастный!! Во-о-о-о-нъ!!

Васенька-котикъ испуганно метнулся изъ сундука, но рыжій котъ загородилъ ему дорогу...

— Какъ ты смѣлъ!..—кричалъ онъ, воинственно крутя хвостомъ:—мои владѣнія!! Дратья давай!.. Выходи... на бой! Ну! Давай драться!!

Васенька-котикъ припалъ къ полу и не смѣлъ дохнуть отъ испуга.

А котъ наступалъ на него и кричалъ:

— Трусишь?.. Испугался?.. Ага!.. Вотъ мы тебя!! Ф-ф-франты!.. Тутъ рыжій котъ изловчился и ударилъ Васеньку по мордочкѣ...

Въ тотъ-же моментъ на шумъ драки изъ разныхъ угловъ появились еще коты, — черные, сѣрые, пестрые... Всѣ они, крадучись и крутя хвостами, направились къ Васенькѣ, окружили его, выгибали спины, поднимали шерсть и, сверкая въ темнотѣ глазами, угрожающе выли:

— Чужой!.. Чужой!.. Ф-ф-фа-кельщикъ!.. Гони его!..

Въ страшномъ ужасѣ Васенька-котикъ кинулся къ слуховому окну, прыгнувъ въ него, покатился по гладкой крышѣ, царапаясь слабенькими коготочками и, не найдя, за что уцѣпиться, полетѣлъ внизъ съ высоты двухъ-этажнаго дома прямо на груды камней и булыжниковъ.

Тутъ онъ хотѣлъ подняться и бѣжать, но только оперся о землю передними лапками, заднія-же его не слушались; а въ спинѣ поднялась такая боль, что Васенька-котикъ жалобно и тоскливо замыкалъ.

Шедшій мимо прохожій столкнулъ Васеньку-котика въ канаву, промолвивъ:

— Откуда такая дохлять взялась?..

VI.

Въ канавѣ текла грязная вода.

Васенька-котикъ долго плылъ вмѣстѣ съ картофельными обрѣзками, грязными тряпками и мусоромъ. Онъ наглотался вонючей жидкости, ослѣпъ отъ мутной жижи... Наконецъ, бѣдняжкѣ удалось схватиться лапкой за кустъ крапивы, низко свѣсившейся надъ водою... Послѣ долгихъ усилій, онъ выбрался изъ канавы и поползъ, волоча свое тѣло на переднихъ лапкахъ и оставляя по пыльной дорогѣ за собой грязный слѣдъ... Онъ доползъ до груды старыхъ камней близъ дороги, поросшихъ травой, и безсильно разметался тутъ на солнечномъ припекѣ.

Сонъ охватилъ его. Сквозь сонъ ему мерещилось, какъ чье-то доброе старушечье лицо, такъ ему знакомое, склоняется надъ нимъ и ласково шепчетъ:

— Хочешь кушать, Васенька-котикъ?..

Онъ открываетъ полуслѣпые глаза...

Но никого вокругъ!..

Только пустынное поле разстилается далеко въ концѣ улицы, да черные остовы печей, какъ привидѣнныя, возвышаются на пепелищѣ.

А солнце жжетъ! Пить хочется, жажда мучить!..

Опускаетъ безсильно на камни свою голову Васенька-котикъ и жалобно, тихо, не умолкая, стонетъ.

Черный, лохматый песъ съ добродушной мордой остановился надъ котикомъ, понюхалъ его, лизнулъ и вдругъ, поднявъ морду кверху, завылъ и залаялъ... Котикъ уже не имѣлъ силъ бѣжать... Словно издалека откуда-то доносился до него собачій лай, а полуоткрытыми глазами онъ видѣлъ, какъ лохматый песъ безпокойно забѣгалъ по улицѣ и побѣждалъ куда-то, не переставая лаять!..

Время шло. Но котикъ не замѣчалъ времени.

Вдругъ звуки собачьяго лая снова вывели его изъ забытья. Вотъ опять этотъ лохматый песъ мечется по улицѣ, нагибается надъ котикомъ и зоветъ къ нему кого-то...

И кто-то нагнулся надъ нимъ и заговорилъ жалко-жалко:

— Котикъ мой, котикъ!.. Да неужели это ты?.. Ахъ, что-же это сдѣлалось съ тобой, милый Васенька-котикъ!

Кто-то взялъ его осторожно ласковыми руками и положилъ на колѣни, говоря сквозь слезы:

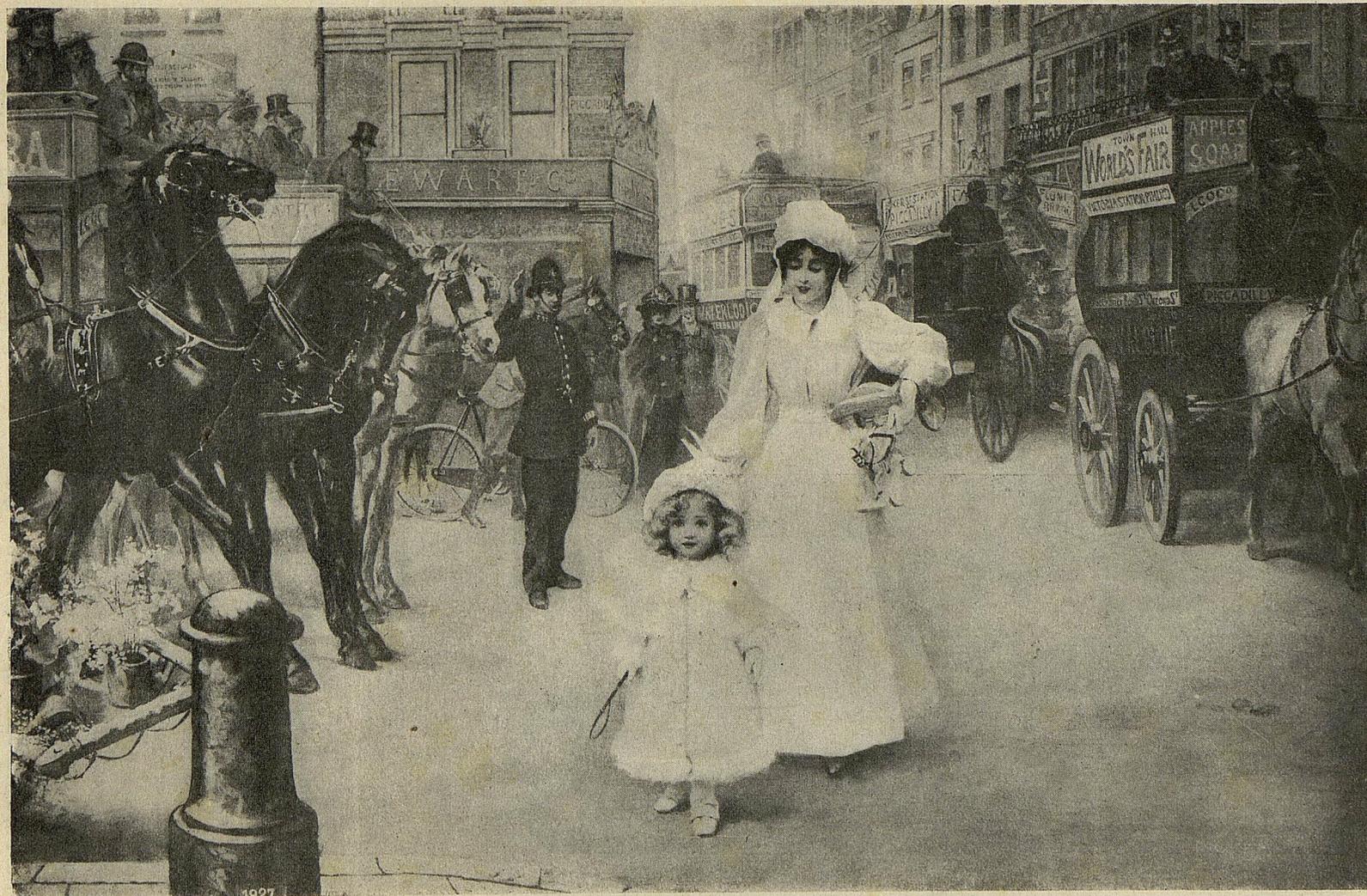
— Взгляни, взгляни по-прежнему на твою старушку, бѣдняжка мой. Еще вернутся наши красные дни!..

Васенька-котикъ ужъ не могъ взглянуть...

Онъ только ласково замурлыкалъ, но вмѣсто мурлыканья у него вышелъ тягучій стонъ... Онъ потянулся на колѣняхъ, довѣрчиво и нѣжно лизнулъ розовымъ язычкомъ ласкавшюю его руку и... глубоко-глубоко вздохнулъ...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

Съ картины Друммонда.

МАЛЕНЬКІЙ КОРОЛЬ.

Съ картины А. Вечерника.

СЪ ДОВРЫМЪ УТРОМЪ!

духомъ съ темными крылами, сѣющимъ смерть и разрушеніе.

Давно уже стало казаться Архипу, что онъ потерялъ дорогу. Онъ наклонялся, снималъ рукавицы, шарилъ въ снѣгу голыми руками. Если бы онъ шель по пути, попадались бы мерзлые слѣды верблюдовъ и лошадей. Но почва подъ снѣгомъ была гладкая.

Архипъ выбился изъ силъ, сѣлъ на бугорокъ и повернулся спиной къ вѣтру. Но злобно засвисталъ буранъ, забѣжалъ впередъ и дунулъ въ лицо Архипу огромнымъ клубомъ колючихъ снѣжинокъ. Архипъ махнулъ рукой, прижалъ лицо къ колѣнямъ, подобралъ полы чапана и сталъ согрѣвать себя своимъ дыханіемъ и грезами о поселкѣ, гдѣ въ родной хатѣ его теперь встрѣчаютъ Рождество. У него жена съ маленькимъ сыномъ, старая мать и два брата. Пять лѣтъ, какъ переселились они изъ полтавщины въ Тургайскій край. На Украинѣ было просторно, но чужой былъ просторъ. Въ киргизской землѣ

СОНЪ ВЪ СТЕПИ.

Вылъ, гудѣлъ и ревѣлъ буранъ. Надъ степью носился, блѣдный отъ ужаса, духъ съ темными крыльями, широко распростертыми отъ востока до запада. И маленькимъ, крохотнымъ, никому не нужнымъ и безвѣстнымъ созданіемъ, подобнымъ муравью, отбившемуся отъ муравьиной кучи, одинокимъ и безпріютнымъ казался себѣ крестьянинъ Архипъ.

Онъ шель, согнувшись, весь обледенѣлый, барахтаясь въ снѣгу, который кучами наваливалъ буранъ на своемъ пути. То вдругъ сметался съ степи снѣгъ, то накидывалось его цѣлая горы.

Мерещилось Архипу, что во мглѣ ночного бурана, гдѣ-то далеко-далеко, горятъ огоньки; разъ онъ насчиталъ семь огоньковъ, обрадовался, да сталъ всматриваться и увидѣлъ, что это парные огоньки—и бѣжали они другъ за другомъ. Догадался онъ, что волки. А степные волки—огромные, съ крѣпкими зубами. Перекрестился—глядь, погасли огоньки. Когда воетъ буранъ, въ немъ слышится тысяча голосовъ. Всѣ, когда-либо погибшіе въ степи, застывшіе на-вѣки въ зимнюю стужу, убитые недобрыми людьми, носятся надъ степями, пробуждаемые блѣднымъ

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

переселенцамъ обѣщали свой просторъ, и, въ самомъ дѣлѣ, не видать конца краю, когда выйдешь утромъ въ степь, а все нѣтъ воли. И здѣсь несвободна душа!

Буранъ съ такой яростью махнулъ своимъ гигантскимъ крыломъ, что сразу набросилъ снѣжный наметъ на Архипа, и стало ему тепло.

«Вотъ и хорошо»,—подумалъ онъ,—и не успѣлъ подумать, какъ вдругъ увидѣлъ трехъ верблюдовъ. Они были огромные. Черные силуэты ихъ шатались въ колеблющемся сумракѣ. Такихъ верблюдовъ не всегда можно видѣть даже въ этихъ степяхъ. На горбахъ, окутанныхъ въ теплыя одѣяла, сидѣли въ хорошихъ киргизскихъ шубахъ темнолицыя люди и ворочали глазами направо и налево. Головы ихъ были покрыты острыми шапками съ мѣховою оторочкой. Три было верблюда и три человѣка. И у пояса каждого болтались золотыя предметы. Одинъ былъ точно съ булавою, у другого здоровенный ковшъ, а у третьяго какъ будто кадилница, и въ ней горѣли угли, а отъ углей поднимался душистый дымъ.

Встрепенулся Архипъ и радостно закричалъ на томъ ломанномъ киргизскомъ языкѣ, на какомъ стараются говорить переселенцы:

— Куда айда?

А три человѣка остановили верблюдовъ и сказали тоже «по-киргизски»:

— Туда айда!

-- А изъ какого вы аула?

— Изъ дальней стороны.

— Хоть и киргизы, а все же вы люди, возьмите меня съ собою.

Но въ отвѣтъ простонали верблюды, вздохнулъ буранъ и развѣялъ снѣжный наметъ; поднялъ голову Архипъ, раскрылъ глаза и удивился, что спокойна стала степь. Еще кое-гдѣ вихрились бѣлые дымки, но уже улеглась снѣжная буря, и сложилъ крылья блѣдный духъ пустыни, и въ мутноватыхъ небесахъ стали мерцать звѣзды. Сначала робко дрожали, потомъ смѣлѣе вспыхивали, разгорались, собирались въ хороводы. Точь-въ-точь разгораются такъ молитвенные огни въ церкви на всеночной и, наконецъ, становится ярко и празднично. Рѣшилъ Архипъ, что онъ переспалъ буранъ, обрадовался, что избавился отъ лютой смерти и, при свѣтѣ звѣздъ, сталъ искать дорогу. Онъ скоро нашель ее по свѣжимъ верблюжьимъ слѣдамъ; и тутъ вспомнилъ онъ то, что ему привидѣлось на яву или во снѣ; и бодрѣе стало у него на душѣ.

Пошелъ онъ по верблюжьимъ слѣдамъ. Снѣгъ только поскрипывалъ подъ его тяжелыми валенками, и черезъ какихъ-нибудь три версты онъ увидѣлъ огоньки, которые ему раньше мерещились. Ихъ было, точно, семь, и они были парные, потому что было семь маленькихъ хатъ, какъ входить въ поселокъ, на самомъ выгонѣ, и въ каждой было по два окна.

Но въ одной хатѣ, которая чуть возвышалась надъ снѣгомъ и сама похожа была на сугробъ, въ особенности ярко горѣлъ огонь и распадался на множество другихъ огоньковъ. Архипъ вошелъ во дворъ. Его поразило, когда онъ увидѣлъ трехъ верблюдовъ, стоявшихъ поодаль и жадно жевавшихъ сѣно. Изъ-подъ навѣса мычали коровы и выскочила собаченка и стала лаять.

— Кто здѣсь?—спросилъ молодой человѣкъ, выходя изъ сѣней, откуда вырвался свѣтлый паръ.

— А вы учитель?—спросилъ Архипъ.

— Учитель.

— Вишь, я Архипъ.

- Что же, заплутался развѣ въ степи?
- Съ ногъ сбился, чуть не пропаль.
- Иди въ теплую хату,—сказаль учитель.

Вошелъ Архипъ, оттаялъ. Былъ онъ еще лѣтъ тридцати пяти, разсказаль о себѣ учителю. Послаль его крестьянскій начальникъ подъ арестъ за четыреста верстъ въ городъ Кустанай. Не признаеть онъ воли за людьми и не понимаетъ того, что ушли переселенцы сюда для простора, и гнетъ народъ въ бараній рогъ. Поднесъ ему учитель стаканчикъ водки, самъ улыбается, лицо у него бѣлокурое и радостное, взялъ Архипа за руку и ввелъ въ другую комнату.

Такъ и ахнулъ Архипъ: на лавкѣ у стѣны сидятъ три киргиза въ халатахъ и въ тебетейкахъ. Молчатъ и, должно быть, угощенія ждуть. А на столѣ маленькая елка, вся въ восковыхъ свѣчкахъ сіяеть. Кругомъ деревенскіе дѣвочки и мальчики, какъ ангелы, очарованные смотрять на елку. За перегородкой тихо, но весело разговариваютъ женщины, и слышенъ пискъ младенца.

— Сегодня у меня сынъ родился,—сказаль учитель Архипу.

Поздравилъ его Архипъ, и до того подѣйствовало на него все, что онъ увидѣлъ, и все, что онъ пережилъ,—и это тепло, и этотъ свѣтъ, и счастье молодого учителя, и таинственность святого вечера, и присутствіе трехъ молчаливыхъ киргизовъ, которые казались какимъ-то еще не разсѣявшимся сномъ, видѣннымъ имъ въ пустынѣ,—что расплакался Архипъ.

— Полно, братъ,—сказаль ему учитель:—садись; вечерять будемъ, вотъ только надо взглянуть, взошла ли звѣзда.

— Взошла!—сказаль Архипъ.

И въ самомъ дѣлѣ, большая яркая звѣзда—никто не зналъ, какъ она называется, и не каждый вечеръ можно видѣть такія блестящія звѣзды—низко висѣла въ небесахъ и прямо въ окно лила свои добрые, великолѣпные, непостижимо созданные золотые лучи. И они превращали морозные узоры на маленькихъ стеклахъ въ царственные жемчуга, и отъ этихъ лучей и отъ рождественскихъ огней все казалось богатымъ и сказочно прекраснымъ въ бѣдной квартирѣ учителя.

— А теперъ милости просимъ закусить, чѣмъ Богъ послаль.

И три молчаливыхъ киргиза, и дѣти, и Архипъ, и учитель, и бабы, вышедшія изъ-за перегородки, сѣли за накрытый столъ и стали вечерять.

Всѣмъ путникамъ, застигнутымъ вьюгою въ нашихъ далекихъ и страшныхъ степяхъ, да поможетъ Богъ видѣть хорошіе сны!

І. Ясинскій-Бѣлинскій.

Тимоха и Ильюша.

(Комическая сценка).

1

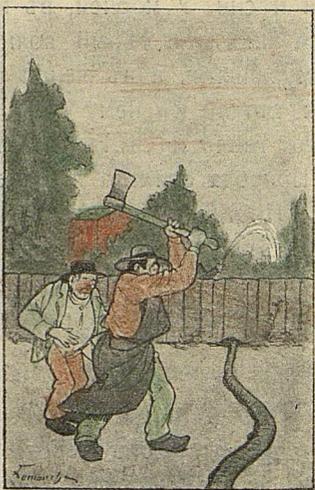
На обѣдъ съ Ильей Тимоха
Шли съ работы—отъ ручья;
—Э! братъ, дѣло наше плохо!
Погляди-ка, вѣдь, змѣя?..

2

—Дай топоръ! я оглошу!—
—Что ты, братецъ, нѣтъ, не
трожь!

И Тимоху и Ильюшу
Пробрала лихая дрожь...

3

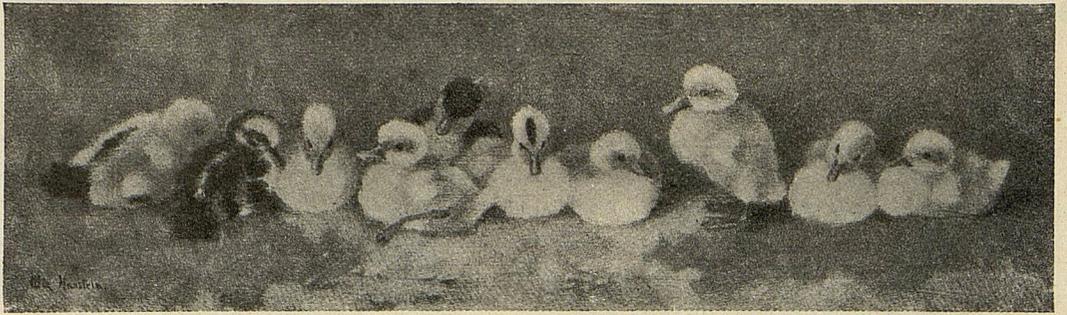
—Какъ не трожь? Гляди, какая!
Извивается, какъ гадъ!..—
И мелькнулъ топоръ, сверкая,
Прямо въ шкуру, наугадъ!..

4

Разлетѣлись „ахи“, „охи“!..
Съ ногъ свалила ихъ струя!
Да, дѣлишки братьевъ плохи!
Вотъ такъ страшная змѣя!..

Дядя Клой.

Д р о в а.

Разсказъ А. Зарина.

а роходъ пыхтѣль, сопѣль, дымилъ и тащилъ за собой огромную барку, а на баркѣ лежали дрова. Много, много дровъ; все березовыя полѣнья. Лежали они тихо, смирно, ровными рядами, тѣсно прижавшись другъ къ другу; и не знали, что ихъ ждетъ впереди, что съ ними будутъ еще дѣлать...

На берегу рѣки стоялъ веселый лѣсъ, весь изъ бѣлыхъ березъ съ частыми раскидистыми вѣтвями, покрытыми зелеными листьями. Когда люди входили въ него, то зеленые листья казались навѣсомъ изъ дорогой ткани, а бѣлые стволы березъ—мраморными колоннами.

Много десятковъ лѣтъ стояли эти березы. На ихъ вѣтвяхъ птицы вили гнѣзда, и каждый вечеръ, и каждое утро пѣли свои пѣсни. У корней, въ мелкой поросли, сидѣли и лисица, и заяцъ; присаживался иногда и сѣрый волкъ. По землѣ, въ травѣ и листьяхъ, ползали жуки съ муравьями, а въ ясной синевѣ неба сіяло горячее солнце. Бѣлыя, нѣжныя березы тянули къ нему свои вѣтви, покрытыя листьями, и жадно вбирали въ себя его тепло и свѣтъ. Наступала ночь; горѣли звѣзды; подымалась луна на небо. Природа стихала и березы въ ночной тишинѣ наслаждались мирнымъ покоемъ. Иногда проносилась гроза и освѣжала ихъ уборы теплымъ дождемъ. На смѣну лѣта приходила зима. Тогда березы сбрасывали пожелтѣвшіе листья, прятали на концахъ вѣтвей молодые листочки, съеживались, качали головами, и засыпали, чтобы проснуться весною съ новыми силами для новой радости.

Вдругъ, однажды зимою пришли мужики съ топорами и, пока березы спали, срубили ихъ, повалили на землю, обрубали у нихъ всѣ вѣтви, распилили ихъ бѣлые стволы на чурбаны, а изъ чурбановъ накололи дровъ.

Думали мужики, когда рубили деревья, что это ихъ топоры звенятъ по морозному воздуху; а когда пилили,—что ихъ пилы визжатъ; а когда кололи,—что клинья трещатъ;—а это въ полуснѣ отъ неожиданной боли и страха стояли деревья, бѣлыя березы.

Наступила весна—и уже не было веселаго лѣса. Прилетѣли птицы и, вмѣсто деревьевъ съ зеленою листвою, увидѣли длинныя, высокія ряды бѣлыхъ березовыхъ полѣньевъ, тѣсно положенныхъ другъ на друга.

Подплыла барка къ берегу; снова появились мужики и посыпались въ барку дрова, которыя тамъ снова складывали въ тѣсныя ряды. Выше и выше поднимались ряды и, наконецъ, наполнили всю огромную барку.

Поплыла барка внизъ по рѣкѣ, а потомъ ее къ пароходу привязали, и плыла она день, два, недѣлю, двѣ, наконецъ, доплыла до своего мѣста и остановилась.

И опять пришли мужики и начали выбирать изъ барки полѣнья и кидать ихъ на камни, а потомъ бросать въ телѣги.

Загремѣли телѣги по мостовой, затряслись дрова, застучали полѣнья другъ о друга.

И снова ихъ сбросили, а потомъ снова сложили, и лежали они недвижно, оцѣпенѣвъ до новой зимы.

Наступилъ холодъ, засыпалъ ихъ снѣгъ и онѣ задремали, а во снѣ имъ казалось, что опять ихъ швыряютъ въ телѣгу, опять везутъ куда-то, опять сбрасываютъ и опять укладываютъ, и шепчутъ онѣ во снѣ:

— Господи, да когда-же конецъ этому?..

— Няня, затопи-ка ты намъ печку. Холодно что-то!—сказала барыня, и няня пошла въ кухню, принесла охапку дровъ, уложила въ печку, чиркнула спичкой, зажгла пукъ лучины и сунула его въ дрова.

Затрещали, загорѣлись дрова, освѣтили краснымъ отблескомъ всю комнату и наполнили воздухъ тепломъ.

Очнулись они отъ сильнаго жара.

Что это: солнце? весна? Но гдѣ же птицы? гдѣ зеленые листья?

— Нѣтъ, это что-то другое,—заговорили они,—мы чувствуемъ, какъ дѣлаемся меньше, меньше! Мы куда-то летимъ!

— Прощайте, мы на небо, къ солнцу!—говорили имъ въ то же время струйки дыма, улетающія въ трубу.

— Но какъ хорошо! это совсѣмъ какъ въ лѣсу: тепло, свѣтъ! а помните?..—и они, перебивая другъ друга, стали рассказывать все то, что слышали отъ прилетавшихъ птицъ, отъ отдохавшихъ у ихъ корней звѣрей.

Трескъ, пискъ, шипѣнье, словно голоса лѣса, неслись изъ печки.

Усталый человѣкъ сидѣлъ въ креслѣ передъ печкой, а на его колѣняхъ примостился маленькій мальчикъ.

— Слушай, папа,—сказалъ вдругъ мальчикъ,—дрова въ печкѣ словно говорятъ что-то, а что—я не пойму.

Отецъ сталъ прислушиваться къ голосамъ изъ печки и услышалъ много много рассказовъ—и про лису, и про зайца, и про сѣраго волка, и проразныхъ птицъ, что вили когда-то на вѣтвяхъ этихъ деревьевъ свои гнѣзда.

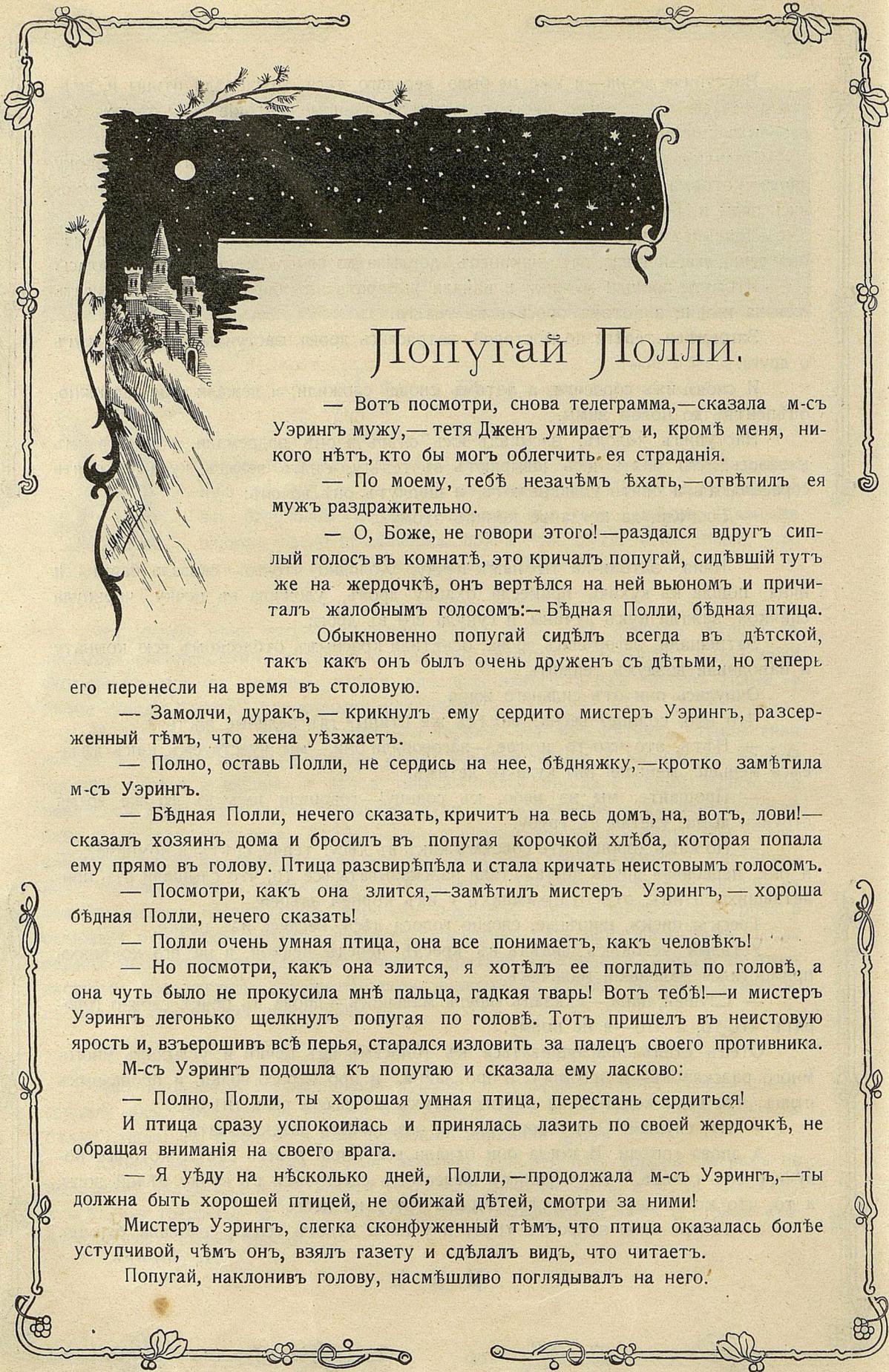
— Ну, слушай! Они говорятъ...—и онъ началъ рассказывать.

А дрова горѣли. И когда они отдали все тепло и весь свѣтъ, которые получили отъ солнца,—то съ тихимъ шелестомъ свернулись въ кучку бѣлой золы, а то, что могло летѣть, улетѣло черезъ трубу на небо.

— Теперь няня закроетъ трубу и у насъ будетъ тепло,—сказала барыня.

А. Заринъ.

Попугай Полли.

— Воть посмотри, снова телеграмма,—сказала м-сь Уэрингъ мужу,—тетя Дженъ умираетъ и, кромѣ меня, никого нѣтъ, кто бы могъ облегчить ея страданія.

— По моему, тебѣ незачѣмъ ѣхать,—отвѣтилъ ей мужъ раздражительно.

— О, Боже, не говори этого!—раздался вдругъ сильный голосъ въ комнатѣ, это кричалъ попугай, сидѣвшій тутъ же на жердочкѣ, онъ вертѣлся на ней вьюномъ и причиталъ жалобнымъ голосомъ:— Бѣдная Полли, бѣдная птица.

Обыкновенно попугай сидѣлъ всегда въ дѣтской, такъ какъ онъ былъ очень друженъ съ дѣтьми, но теперь его перенесли на время въ столовую.

— Замолчи, дуракъ, — крикнулъ ему сердито мистеръ Уэрингъ, разсерженный тѣмъ, что жена уѣзжаетъ.

— Полно, оставь Полли, не сердись на нее, бѣдняжку,—кратко замѣтила м-сь Уэрингъ.

— Бѣдная Полли, нечего сказать, кричитъ на весь домъ, на, вотъ, лови!—сказалъ хозяинъ дома и бросилъ въ попугая корочкой хлѣба, которая попала ему прямо въ голову. Птица разсвирѣпѣла и стала кричать неистовымъ голосомъ.

— Посмотри, какъ она злится,—замѣтилъ мистеръ Уэрингъ, — хороша бѣдная Полли, нечего сказать!

— Полли очень умная птица, она все понимаетъ, какъ человѣкъ!

— Но посмотри, какъ она злится, я хотѣлъ ее погладить по головѣ, а она чуть было не прокусила мнѣ пальца, гадкая тварь! Вотъ тебѣ!—и мистеръ Уэрингъ легонько щелкнулъ попугая по головѣ. Тотъ пришелъ въ неистовую ярость и, взъерошивъ всѣ перья, старался изловить за палецъ своего противника.

М-сь Уэрингъ подошла къ попугаю и сказала ему ласково:

— Полно, Полли, ты хорошая умная птица, перестань сердиться!

И птица сразу успокоилась и принялась лазить по своей жердочкѣ, не обращая вниманія на своего врага.

— Я уѣду на нѣсколько дней, Полли,—продолжала м-сь Уэрингъ,—ты должна быть хорошей птицей, не обижай дѣтей, смотри за ними!

Мистеръ Уэрингъ, слегка сконфуженный тѣмъ, что птица оказалась болѣе уступчивой, чѣмъ онъ, взялъ газету и сдѣлалъ видъ, что читаетъ.

Попугай, наклонивъ голову, насмѣшливо поглядывалъ на него.

Часъ спустя, Дженни прощалась уже съ мужемъ и тремя дѣтьми и просила его беречь ихъ, особенно малютку Люси, и не обижать безъ нея Полли.

Прошла недѣля, настала, наконецъ, канунъ дня возвращенія м-съ Уэрингъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его. Мистеръ Уэрингъ въ отсутствіи жены старался быть ласковѣе и внимательнѣе къ дѣтямъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы отвѣтственнымъ за нихъ, часто игралъ съ ними и даже снизошелъ разѣ до того, что сталъ изображать лошадь, на которой они катались всѣ по очереди. Когда они стали прощаться съ нимъ въ этотъ вечеръ, онъ замѣтилъ, что за эту недѣлю они стали ближе и дороже ему, чѣмъ раньше. Когда они легли спать, онъ еще долго сидѣлъ въ своемъ уютномъ кабинетѣ за газетами и отъ души радовался этому сближенію съ дѣтьми. Онъ легъ спать все съ тѣмъ же хорошимъ, радостнымъ чувствомъ и тотчасъ же заснулъ. Сонъ его былъ безпокойный, онъ просыпался не разъ, но, такъ какъ въ домѣ все было тихо и спокойно, тотчасъ засыпалъ опять. Но вотъ ему стали сниться разные ужасы, въ ухахъ раздавались громкіе крики, шумъ становился все громче и яснѣе, онъ, наконецъ, снова проснулся и услышалъ, что дѣйствительно кто-то кричитъ дикимъ, раздирающимъ душу голосомъ. Онъ сталъ прислушиваться. Кричалъ попугай.

— Проклятый попугай!—проворчалъ онъ,—ужъ если мнѣ придется вставать изъ-за него съ постели, я сверну ему шею. Онъ повернулся на другой бокъ и постарался снова уснуть. Попугай продолжалъ кричать, но мистеръ Уэрингъ натянулъ одѣяло на уши и не двигался; наконецъ, онъ не вытерпѣлъ.

«Пожалуй, въ комнату забралась кошка»,—подумалъ онъ,—«пускай ѣсть эту отвратительную птицу, мнѣ ее нисколько не жаль, но она разбудитъ дѣтей». Онъ тихо всталъ и открылъ дверь въ другую комнату.

— Что это? Дымъ? Пахнетъ горѣлымъ? Вся комната въ огнѣ? Хорошо, что въ этой комнатѣ дѣти не спали.

Домъ былъ старый, деревянный, часа два—и онъ сгоритъ весь безъ слѣда, надо скорѣе выносить дѣтей.

Мистеръ Уэрингъ закрылъ дверь въ эту комнату и бросился въ дѣтскую съ крикомъ: — Няня, няня, вставайте, въ домѣ пожаръ!

Нянька такъ испугалась, что вскочила съ постели и тутъ же упала въ обморокъ. Помощи отъ нея ждать было нечего, онъ бросился къ постелямъ, схватилъ на руки одного ребенка, затѣмъ другого и побѣжалъ съ ними къ выходу съ громкимъ крикомъ:—Пожаръ, горимъ!

Долго ему пришлось возиться съ засовами у выходныхъ дверей; наконецъ, онъ открылъ ихъ и, не взирая на трескучій морозъ, выбѣжалъ изъ дома съ дѣтьми прямо по направленію къ конюшнямъ, гдѣ и разбудилъ конюха, жившаго тамъ въ небольшой комнаткѣ съ женой; конюшни находились довольно далеко отъ дома, дѣтей сейчасъ же внесли въ теплую комнату и оставили подъ прищмотромъ жены конюха, а самъ конюхъ и мистеръ Уэрингъ бросились въ горящій домъ.

По дорогѣ послѣдній сказалъ конюху:—Бѣгите скорѣе въ дѣтскую, тамъ нянька лежитъ безъ чувствъ, времени у васъ много, горитъ еще пока только въ комнатѣ рядомъ, вынесите на воздухъ няньку и мою младшую дѣвочку, потомъ бѣгите скорѣе за помощью къ сосѣдямъ, пусть дадутъ знать въ городъ и вызовутъ пожарную команду.

Мистеръ Уэрингъ бросился въ комнату, гдѣ находился попугай: онъ

рѣшилъ спасти птицу, которая разбудила его своимъ крикомъ, предупреждая его объ опасности; по дорогѣ онъ забѣжалъ въ спальню, намочилъ полотенце и обвязалъ имъ себѣ ротъ и носъ, чтобы было легче дышать. Когда мистеръ Уэрингъ вошелъ туда, гдѣ находилась Полли, онъ чуть было не отшатнулся назадъ: такъ много было въ ней дыму и огня. Птица еще была жива, она кричала, но уже гораздо слабѣе, чѣмъ раньше. Въ комнатѣ было темно и мистеру Уэрингу пришлось ощупью пробираться къ попугаю.

Въ одну минуту онъ схватилъ птицу за крылья, и понесъ къ дверямъ. Ему удалось уже выскочить изъ комнаты, какъ вдругъ попугай извернулся и сильно укусилъ его за палецъ, и кровь потекла ручьемъ.

— Если бы ты не разбудила меня во-время, проклятая птица, я бы сейчасъ придушилъ тебя,—крикнулъ мистеръ Уэрингъ.

Полли, какъ бы въ отвѣтъ на это, вдругъ вырвалась изъ его рукъ и полетѣла обратно, въ охваченную огнемъ и дымомъ комнату.

— Ну, если тебѣ это нравится, погибай!—крикнулъ онъ внѣ себя отъ злости и побѣжалъ изъ дому.

На дворѣ собрались уже люди, изъ оконъ сталъ выбиваться огонь. Мистеръ Уэрингъ принялся распорядиться тушеніемъ пожара, но потомъ рѣшилъ лучше пойти посмотрѣть, что дѣлаютъ дѣти. Когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ они находились, нянька, уже оправившаяся отъ испуга, встрѣтила его словами:

— А гдѣ же дѣвочка? Гдѣ Люси?

— Развѣ конюхъ не приносилъ ее сюда изъ дѣтской, гдѣ она спала вмѣстѣ съ вами?

— Она не спала сегодня въ дѣтской,—простонала нянька:—у нея былъ насморкъ, и, чтобы не заразить другихъ дѣтей, я положила ее въ комнатѣ рядомъ, гдѣ сидитъ попугай.

Мистеръ Уэрингъ, ни слова не говоря, бросился снова въ ту комнату, гдѣ уже побывалъ дважды въ эту ночь. Онъ почти обезумѣлъ отъ страха и горя.

Въ комнатѣ было свѣтло, дыма было меньше, такъ какъ стекла въ окнахъ уже лопнули, и стѣны и мебель горѣли яркимъ огнемъ, освѣщая небольшую кроватку съ пологомъ, въ которой тихо лежала маленькая дѣвочка, будто мертвая, а на рѣшеткѣ кроватки сидѣлъ полуобгорѣлый попугай.

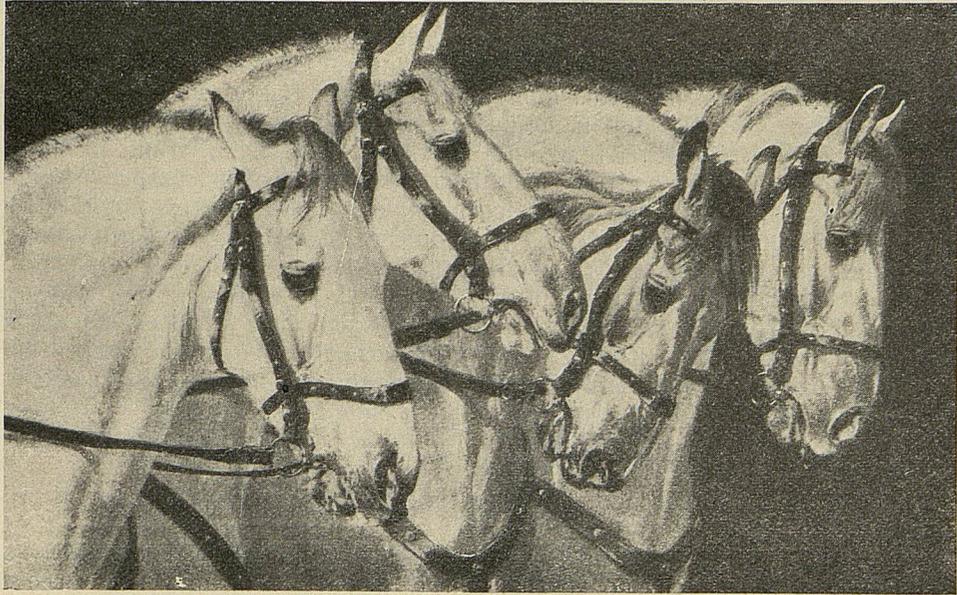
Несчастный отецъ бросился къ малюткѣ и схватилъ ее на руки. Его дочь была жива—онъ пришелъ не слишкомъ поздно; не теряя времени, онъ выбѣжалъ съ ней изъ комнаты и на порогѣ оглянулся назадъ.

Полли, въ полуобморочномъ состояніи, шатаясь, сидѣла еще на рѣшеткѣ, какъ вѣрный сторожъ, рѣшившійся не покидать своего поста до самой смерти.

— Полли, милая птица, спасибо тебѣ!—крикнулъ мистеръ Уэрингъ, не помня себя отъ жалости,—подожди я сейчасъ вернусь за тобой.

Слышала ли она? Одно вѣко какъ будто приподнялось, она взглянула по направленію къ дѣвочкѣ, вздрогнула, когти ея выпустили рѣшетку кроватки и темнымъ, тяжелымъ комкомъ упала она на полъ.

Мистеръ Уэрингъ никогда не могъ забыть птицы, которая своимъ поведеніемъ пристыдила его такъ, что съ этихъ поръ онъ не могъ вспомнить о ней безъ слезъ сожалѣнія и раскаянія...

Предтечи аэроплана.

Очеркъ профессора Ритца.

а послѣднія десять лѣтъ побѣдоносное завоеваніе воздуха интересуетъ всё умы. Наконецъ-то давнишняя мечта человѣка нашла свое воплощеніе. Съ давнихъ поръ лучшіе умы человѣческіе, вродѣ Леонардо-да-Винчи, дерзновенно мечтали стать подобными птицѣ. Винчи долгое время носился съ идеей создать летательный аппаратъ, который бы по своей конструкціи приближался къ птицѣ; но слишкомъ примитивна была еще техника человѣческаго знанія, слишкомъ низко было еще знаніе само... И Леонардо-да-Винчи, несмотря на его свѣтлый умъ, ждала неудача. Каждый разъ послѣ неудачнаго опыта, да-Винчи съ завистью и тоскою смотрѣлъ на свободный и властный полетъ птицъ, стараясь разгадать, въ чемъ скрыта тайна.

Дѣйствительно, чтобы соперничать съ птицей, оспаривать у нея воздушное царство, человѣкъ долженъ проникнуть въ тайну птичьяго организма, познакомиться съ соотношеніями его органовъ. Въ ознакомленіи съ этой тайной, и только въ этомъ лежитъ залогъ необыкновенной и радостной побѣды надъ воздухомъ. Конструкція летательныхъ аппаратовъ многимъ обязана изученію жизни и строенія птицъ и насѣкомыхъ.

Настоящая школа и мастерская аэроавтики—на берегу тихой заводи, гдѣ порхаютъ стрекозы, въ открытомъ полѣ, гдѣ летаютъ и рѣзвятся бабочки. Настоящими учителями авіаторовъ являются насѣкомыя и птицы, которыя учатъ насъ бросаться въ воздушную высь, подниматься, перемѣнять направленіе, опускаться и т. д. Ближайшимъ доказательствомъ этого мнѣнія является то, что планы нашихъ аэроплановъ чрезвычайно близки къ общей формѣ птицъ и, въ особенности, насѣкомаго.

Собственно говоря, до сихъ поръ неизвѣстна еще структура крыла птицы, благодаря которому она летаетъ и держится въ воздухѣ. И противъ нашего невѣжества въ этомъ отношеніи должны горячо протестовать какъ теоретики аэроавтики, такъ и біологи. Попробуйте обратиться къ человѣку со среднимъ образованіемъ съ предложеніемъ дать хотя бы схематическій набросокъ крыла

птицы, и вы убѣдитесь, какъ велико невѣжество образованныхъ людей: быстрота движеній птицы слишкомъ велика, чтобы глазъ нашъ могъ ихъ уловить.

При планирующемъ полетѣ птица принимаетъ форму падающей вѣтки. Позволимъ себѣ дать читателю кое-какія свѣдѣнія. Крыло есть рука птицы, и скелетъ крыла чрезвычайно напоминаетъ остовъ человѣческой руки съ той лишь разницей, что соотвѣтственныя кости у человѣка и птицы развиты въ разныхъ пропорціяхъ, и кости соединяются между собой совершенно иначе. Предплечье у птицы гораздо больше собственно плечевой кости, и она выгнута впередъ приблизительно такъ, какъ у человѣка, когда онъ пальцами старается дотронуться до спинного хребта; рука птицы направляется книзу и назадъ.

Общность строенія руки и крыла лучше всего видимъ на крылѣ насѣкомаго (особенно нѣкоторыхъ видовъ), постоянно сохраняющаго свою форму и не складывающаго крыльевъ. Крыло насѣкомаго большею частью формой своей напоминаетъ закрытую роговыми жилками и покрытую перепонкой, чаще всего прозрачной,—палитру. Форма крыла сравнительно очень проста.

Появленіе крыла.

Чрезвычайно интересное зрѣлище представляетъ появленіе крыла у насѣкомаго.

Превращеніе гусеницы въ бабочку до сихъ поръ еще вызываетъ изумленіе. Особенно поразительно превращеніе болотистыхъ личинокъ въ стрекозу. Это положительно феерическая картина. Болотистое, микроскопическое существо въ нѣсколько минутъ превращается въ легкое воздушное, и затѣмъ сейчасъ же улетааетъ въ высъ при легкомъ содроганіи своихъ золотистыхъ крылышекъ. Прослѣдите раннимъ майскимъ утромъ за куколкой «*phrygan'a*», одного порядка со стрекозой.

Извѣстно, что куколка является промежуточной стадіей между гусеницей и насѣкомымъ. Внимательно наблюдая, вы увидите, какъ куколка выползаетъ изъ своего чехла, въ которомъ жила, раздвигаетъ болотистыя растенія и пускается вплавъ на спинѣ посредствомъ своихъ лапъ, вооруженныхъ длинными волосками, напоминающими тычинки цвѣтка. Какъ только у нея является возможность ухватиться за тонкій стебелекъ, она крѣпко сжимаетъ его, взбирается по нему вверхъ, и превращеніе свершилось. Одно мгновеніе куколка остается неподвижной, затѣмъ начинаетъ двигатися, волноваться въ своемъ закрытомъ конвертикѣ, наконецъ прорывается наружу, и передъ вами совершенно сформировавшееся воздушное, граціозное насѣкомое. Но еще нѣкоторое время крылья сжаты, затѣмъ распускаются вѣромъ и принимаютъ свою окончательную форму.

Нѣкоторые натуралисты предполагаютъ, что насѣкомое «ѣстъ воздухъ», когда вздуваетъ перепонку своихъ крылышекъ; но это всасываніе воздуха имѣетъ мѣсто лишь въ порахъ пищеварительныхъ органовъ, оно увеличиваетъ давленіе крови, которая проникаетъ въ волокна крылышекъ, механически разворачиваетъ ихъ, оживляя для полета. Это разворачиваніе крыльевъ возможно лишь при помощи поглащаемой росы, которой покрыты утромъ цвѣты; этимъ объясняется тотъ фактъ, что первый полетъ насѣкомаго, обыкновенно, совершается при первыхъ лучахъ солнца.

Появленіе крыльевъ можетъ наблюдать каждый, изучая жизнь стрекозы хотя бы въ аквариумѣ. Метаморфоза происходитъ довольно быстро; но часто бываетъ необходимо увлажнять атмосферу въ тотъ моментъ, когда куколка появляется на поверхности воды.

Но въ чемъ секретъ свободнаго полета?

Большинство птиц настолько быстро летаетъ, что нашъ глазъ не въ состояніи услѣдить ни за движеніемъ крыльевъ, ни за ихъ положеніемъ. Но наблюдайте птицу, тяжелую на подъемъ, хотя бы курицу. Она сначала бѣжитъ изо всѣхъ силъ, затѣмъ подпрыгиваетъ возможно выше и сильно хлопаетъ крыльями. Эти усилія иногда такъ тяжелы курицѣ, что она измученно кудахчетъ, при этомъ это, конечно, легко объяснить: чѣмъ быстрѣе бѣжитъ курица, тѣмъ легче и успѣшнѣе оно можетъ бороться противъ своей тяжести, которая тя-

нетъ ее къ землѣ. То обстоятельство, что курица тяжело машетъ крыльями, объясняется тѣмъ, что поверхность ея крыльевъ слишкомъ мала. Крылья курицы не могутъ служить для нея достаточной опорой, и потому она держится въ воздухѣ лишь въ томъ случаѣ, когда развиваетъ большую быстроту. Но она скоро устаетъ и падаетъ. Напротивъ, птицы, обладающія большою поверхностью крыльевъ, какъ, напримѣръ, орлы, ястребы, кондоры и др., не нуждаются при полетахъ въ столь усиленныхъ взмахахъ крыльями: сравнительная величина ихъ вызываетъ относительную медленность ихъ движеній. Что же касается насѣкомыхъ, то ученые долго не могли объяснить, какимъ образомъ они могутъ держаться въ воздухѣ. Научно разобраться въ этомъ вопросѣ удалось Птигрю и Моррею. Они пришли къ тому заключенію, что при спускѣ крыло расширяется во всю свою величину и, такимъ образомъ, поддерживаетъ курицу въ воздухѣ; при подъемѣ же остріе насѣкомаго, такъ сказать, прорѣзаетъ воздухъ. Получается, конечно, не винтовое движеніе—этого не позволяетъ перепонка, но результатъ получается тотъ же. И вотъ, благодаря спиралеобразному движенію, насѣкомое можетъ держаться въ воздухѣ, широко распустивъ свои крылышки, въ то время, какъ птица должна то поднимать, то опускать крылья.

Противъ вѣтра.

Наблюдая за морскимъ орломъ, находящимся гдѣ-нибудь на высокомъ утесѣ, можно замѣтить, что, прежде чѣмъ оставить свое убѣжище, онъ ждетъ, пока подымется вѣтеръ; тогда онъ бросается впередъ, распустивъ крылья и, такимъ образомъ, взлетаетъ, ни разу не взмахнувъ крыльями. Чѣмъ объяснить это? Леонардо да-Винчи проникъ въ эту тайну природы еще въ XIV вѣкѣ.

«Птицы во время полета,—писалъ гениальный Винчи,—устремляются противъ вѣтра; онѣ вздымаются имъ подъ острымъ угломъ».

И дѣйствительно, чтобы планировать, птица нуждается въ очень большихъ крыльяхъ и должна быть прямо противъ вѣтра; крылья устанавливаются по воздушнымъ теченіямъ, и тѣмъ въ сильной степени облегчается полетъ. Вѣтеръ поддерживаетъ тѣло птицы, и она несется впередъ. Но иногда наступаетъ неожиданная тишина въ воздухѣ; тогда птица прибѣгаетъ къ своимъ бездѣйствующимъ крыльямъ и, хлопая ими, опускается или поднимается съ цѣлю попасть въ болѣе благоприятную среду. Наблюденія надъ летающими видами животнаго царства, сдѣланныя учеными отъ Леонардо да-Винчи до Моррея, принесли огромную пользу авіаціи. Эти наблюденія выяснили роль слѣдующихъ двухъ основныхъ условий: чтобы летѣть, человѣкъ долженъ занимать горизонтальное положеніе съ нѣкоторымъ наклономъ къ горизонту; внутренняя часть летательнаго аппарата должна нѣсколько выдѣляться и самымъ практичнымъ моторомъ долженъ оказаться винтовой. Это показываетъ намъ, что въ отношеніи несущей поверхности необходимо слѣдовать конструкціи птицы, а при движеніи надо слѣдовать спиральному движенію насѣкомаго. Во многихъ случаяхъ авіаторы могутъ утилизировать и вѣтеръ; часто сила спиральныхъ толчковъ, вліяя на воздушную среду, несетъ аппаратъ; то же явленіе мы можемъ наблюдать, когда вѣтеръ дуетъ намъ въ лицо или когда мы бѣжимъ, прорѣзая воздухъ: создается по отношенію къ намъ косвенное воздушное теченіе. Такимъ образомъ, достаточно, чтобы сила движенія по спирали въ воздухѣ превосходила силу обыкновеннаго вѣтра, чтобы аэропланы могли свободно двигаться въ разныхъ направленіяхъ. Теперь эту мечту человечества удалось воплотить въ жизнь. Первыми побѣдителями были: Сантосъ Дюмонъ во Франціи на своей хищной птицѣ и братья Райтъ въ Америкѣ. Эти аппараты принадлежать по своему типу къ бипланамъ.

Чтобы подняться на воздухъ, авіаторъ уподобляется птицѣ, тяжелой на подъемъ: курица, напримѣръ, должна разбѣжаться, прежде чѣмъ взлетѣть, а бипланъ долженъ покатиться съ извѣстной быстротой по утопанной площадкѣ, затѣмъ дѣлаетъ усиліе, словно взбирается на невидимую гору, и, наконецъ, свободно улетаетъ.

Притворство животныхъ.

Изъ своей почти 30-лѣтней охотничьей практики я могъ бы привести много примѣровъ мнимой смерти, или, вѣрнѣе сказать, притворства различныхъ животныхъ. Притворство всего сильнѣе развито среди низшихъ животныхъ, именно, насѣкомыхъ—жуковъ (навозникъ, щелкунъ, носорогъ и др.), многихъ гусеницъ, нѣкоторыхъ видовъ бабочекъ и пр. Многя насѣкомыя, будучи взяты въ руки и тронуты, притворяются мертвыми нерѣдко довольно продолжительное время, надѣясь, конечно, что ихъ оставятъ въ покоѣ. Изъ животныхъ къ мнимой смерти прибѣгаютъ: кротъ, ежъ, иногда мыши, лиса, домашнія кошки и пр. Конечно, у животныхъ, такъ же, какъ у насѣкомыхъ, основаніемъ мнимой смерти является обманъ: они прикидываются мертвыми, чтобы избѣжать опасности. Всѣ охотники знаютъ, какъ ловко умѣютъ притворяться тяжело-ранеными, не умѣющими летать и ходить матка-тетерка или утка при выводкѣ, даже не будучи стрѣляны, чтобы отвести въ сторону отъ своихъ птенцовъ охотника или собаку; но разъ опасность миновала, матка бойко взлетаетъ и невредимо удаляется, къ удивленію обманутаго охотника. Способность затаиваться всего болѣе развита у рябчиковъ, которые иногда даже послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ дерево, долго не обнаруживаютъ ни малѣйшаго движенія. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ животныя дѣйствуютъ по собственной волѣ, въ силу инстинкта самосохраненія, вполне сознательно. Однажды, напримѣръ, гуляя съ товарищемъ въ лѣсу, мы согнали бѣляка, который отъ нашего неистоваго крика бросился въ сторону и на нашихъ глазахъ запалъ подъ корнемъ березы, въ развилкѣ. Мы подошли вплотную къ дереву и нѣкоторое время любовались косымъ, который припалъ къ землѣ, какъ мертвый. Когда же я взялъ его за уши, заяцъ пришелъ въ себя, вырвался изъ рукъ и прелюбополучно убѣжалъ. Случаевъ оживанія зайцевъ, казавшихся мертвыми послѣ выстрѣла, я бы могъ привести десятки.

Подобные случаи бывали и съ лисами. Такъ, напр., одинъ мужичокъ зашибъ въ заросляхъ лису, которая послѣ выстрѣла растянулась, какъ тряпка. Видя, что лиса убита, мужичокъ подошелъ къ ней, взялъ за шею и, обрадованный такой добычей, поволокъ ее изъ кустовъ на поляну, чтобы приторочить на веревку. Но лишь только мужикъ опустил лисицу на землю, какъ она моментально ожила и въ нѣсколько прыжковъ скрылась въ лѣсу. Теперь уже мужикъ впалъ въ столбнякъ и долго стоялъ, одураченный такимъ ловкимъ фортелемъ кумушки.

Подобныхъ недоразумѣній бываетъ много, въ особенности съ вальдшнепами, во время охоты на тягѣ. Ударишь по вальдшнепу; онъ перевертывается въ воздухѣ и падаетъ; подходишь къ нему,—вальдшнепъ лежитъ на землѣ, распластавъ крылья, конечно, мертвый. Только нагнешься и протянешь руку, чтобы его взять, какъ онъ вспархиваетъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, плавно скрывается за ближайшими деревьями, нерѣдко съ хорканьемъ. Много за свою жизнь потерялъ я вальдшнеповъ, казавшихся убитыми наповаль и оживавшихъ именно въ тотъ моментъ, когда подходишь ихъ брать.

Изъ прочей дичи случаи мнимой смерти приходится наблюдать у дупелей, бекасовъ, болотныхъ курочекъ и особенно—у коростелей. Послѣдніе очень часто послѣ выстрѣла по нимъ, даже чистаго промаха, камнемъ падаютъ въ траву и затѣмъ, пролежавъ нѣсколько секундъ безъ движенія, вдругъ оживаютъ и спасаются бѣгствомъ. И въ данномъ случаѣ играетъ главную роль инстинктъ самосохраненія: звукъ выстрѣла заставляетъ коростеля быстро падать въ траву, гдѣ онъ чувствуетъ себя въ полнѣйшей безопасности, надѣясь болѣе на свои ноги, чѣмъ на крылья. Подобное поведеніе коростеля мнѣ приходилось наблюдать только осенью, въ періодъ полета, когда птица эта страшно жирѣетъ и полетъ ея дѣлается очень тяжелымъ.

Тайны морской глубины.

Въ Индйскомъ океанѣ — глубина въ 9.780 метровъ, считающаяся самой значительной изъ всѣхъ глубинъ, опредѣленныхъ человѣкомъ въ пучинѣ океана.

Чтобы представить себѣ тѣ условия, которыя существуютъ на разстояніи девяти съ половиной верствъ подъ поверхностью океана, должно замѣтить, что если бы до такой глубины дошелъ потонувшій недавно морской корабль «Титаникъ», то онъ обратился бы въ толстую, исковерканную металлическую ленту, съ силой выброшенную вверхъ и оставшуюся затѣмъ плавать на извѣстной глубинѣ, но гораздо меньшей.

На этихъ глубинахъ никогда ни одно живое существо не видитъ лучей солнца, которое не разсѣиваетъ глубокаго мрака и не оживляетъ хотя бы тусклыми бликами пустыннаго дна, гдѣ горы и долины кажутся неподвижными и молчаливыми, какъ въ царствѣ смерти.

Если бы человѣкъ могъ проникнуть на такую глубину, для спасенія «Титаника», то ему бы показалось, что онъ находится въ царствѣ страшныхъ призраковъ. Вотъ вдали изъ-за мягкихъ склоновъ горы показались двѣ яркія точки, какъ прожекторы его таинственной подводной лодки, подкрадывающейся къ обреченному на гибель гиганту, гордо разсѣкающему волны океана. Еще мгновеніе — и передъ глазами этого смѣльчака появилось бы длинное, веретенообразное тѣло большой рыбы съ огромной пастью, усѣянной острыми зубами. Два яркіхъ глаза освѣщали синеватымъ свѣтомъ небольшое пространство воды, а у пасти рыбы шевелилась свѣтящаяся точка, горящая на концѣ жаднаго языка. Но вотъ погасъ свѣтъ прожекторовъ-глазъ, и только осталась блестящая красная точка языка. Изъ узкой долины, прорѣзающей дно, на этотъ манящій огонекъ кинулась другая рыба, плоская и широкая, и тотчасъ же завязался отчаянный бой. Быстрыя, какъ молніи, движенія, быстрые взлеты вверхъ и такія же головокружительныя паденія. Загорѣлись злые прожекторы у веретенообразной рыбы и вспыхнула желтовато-зеленымъ цвѣтомъ крѣпкая броня широкой рыбы. Въ пылу битвы онѣ не замѣчали, какъ со всѣхъ сторонъ изъ рывтинъ и изъ-за уваловъ тянулись къ нимъ длинныя суставчатыя лапы огромнаго паукообразнаго существа, какъ онѣ высоко поднялись надъ бьющимися и, словно серпомъ, разсѣкли тѣла враговъ.

Изъ толстыхъ пустотѣлыхъ скелетовъ этихъ рыбъ со свистомъ вырвался воздухъ, находящійся тамъ подъ давленіемъ сотенъ атмосферъ, и части ихъ труповъ упали на мягкое пустынное дно. И дно это тотчасъ же оживилось; вспыхнуло оно и загорѣлось различными огнями. Какіе-то широкіе мхи и чуть замѣтныя слизееобразныя нити водорослей, какія-то маленькія, напоминающія пули, тѣльца, медленно передвигаясь, покрыли эти трупы и долго вспыхивали, справляя тризну въ царствѣ смерти.

Вотъ примѣрная картина того, что происходитъ на большихъ глубинахъ на днѣ океана. Всѣ животныя должны обладать особой организаціей, которая бы имъ позволяла переносить высокія давленія. Изъ такихъ приспособленій на первомъ мѣстѣ должно поставить большія количества воздуха, заключеннаго въ костяхъ и тѣлѣ живыхъ организмовъ, и снабженія ихъ свѣтящимися органами. Всѣ они, — рыбы, пауки, раки, водоросли и рѣдкіе моллюски, — хищники, и это понятно: въ царствѣ смерти борьба за существованіе такъ тяжела.

Если такой организмъ извлечь на поверхность воды, онъ мгновенно разрывается на мелкія части, какъ заряженный взрывчатымъ веществомъ. Это находящійся въ немъ подъ большимъ давленіемъ воздухъ производитъ такое разрушеніе.

Живущее въ царствѣ смерти живымъ въ царство жизни не возвращается.

Изъ жизни самоотверженныхъ.

Искатели жемчуга.

Нлучшій и богатѣйшій жемчугъ добывается въ Персидскомъ заливѣ въ 150—200 миляхъ отъ береговъ пустынной Аравіи. Около 80.000 арабовъ занимаются исключительно добычей жемчуга за ничтожное вознагражденіе, работая на богатыхъ предпринимателей, которыхъ всего не болѣе пятнадцати, крѣпко держащихъ въ своихъ кулакахъ всю страну.

Французскій скупщикъ жемчуга, постоянно вращающійся среди арабовъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ, какъ ими добывается жемчугъ:

«На парусномъ суднѣ, везущемъ въ море восемьдесятъ искателей жемчуга, царитъ удивительная тишина и примѣрная дисциплина. Черезъ каждыя двѣ-три минуты опускается на дно морское партія челоуѣкъ въ тридцать, вися на веревкахъ, поддерживаемыхъ товарищами. Приемы самые первобытные.

Все снаряженіе водолаза состоитъ изъ маленькихъ костяныхъ щипчиковъ, которыми онъ зажимаетъ свой носъ, и кожаныхъ рукавицахъ для защиты рукъ отъ порѣзовъ объ острыхъ скалы при срываніи присосавшихся къ нимъ раковинъ. Небольшая корзина на груди и камень, къ которому онъ привязанъ, дополняютъ это весьма примитивное снаряженіе. Каждый спускъ на дно морское продолжается отъ двухъ до трехъ минутъ.

Когда искатели жемчуга вновь поднимаются на поверхность, видъ у нихъ бываетъ ужасный, и большинство изъ нихъ совершенно задохшіеся. Я замѣтилъ также, что многіе были глухіе. Рѣдкій изъ нихъ можетъ работать долѣе пяти лѣтъ. Искатели, видѣнные мною, спускались на глубину двадцати метровъ.

Вдругъ я замѣтилъ необыкновенное движеніе на одномъ концѣ судна. Съ десятокъ водолазовъ быстро погрузились въ воду. Капитанъ на мой вопросъ, флегматично отвѣтилъ: «Это одинъ изъ искателей больше не подаетъ знаковъ своей веревкой. Онъ либо укушенъ рыбой, либо упалъ въ обморокъ».

Минуту спустя вынырнулъ одинъ изъ рыбаковъ, таща за собой безчувственного, окровавленнаго товарища; оказалось, что на него напала рыба-пьявка, которую арабы называютъ «чортомъ» и противъ нападковъ которой вооружаются привезенными изъ Мекки амулетами».

Къ удивленію французскаго скупщика, искатель жемчуга, придя въ сознаніе и подкрѣпившись чашкой кофе, вновь опустился въ море.

Съ наступленіемъ ночи искатели жемчуга прекращаютъ работу и ложатся спать, поужинавъ рисомъ и сушеными финиками. Но сперва еще открываютъ раковины, очень рѣдко, впрочемъ, находя хорошій крупный жемчугъ. Зато, если попадется какая-нибудь необыкновенно большая и красивая жемчужина, то вся команда ликуетъ и выстрѣлами изъ пистолетовъ оповѣщаетъ другія судна о рѣдкостной находкѣ. Жемчужину рассматриваютъ, любятъ ея, даютъ ей всевозможные лестные эпитеты.

Возвратясь въ свою деревню, старшій рыбакъ продаетъ всю добычу скупщику, который въ свою очередь отправляется на одинъ изъ большихъ рынковъ Гольфа или Бомбея.

Главный жемчужный рынокъ на востокѣ—Бомбей.

Оптовая торговля жемчугомъ долгое время была въ рукахъ англичанъ,—дѣло понятное, разъ главные жемчужные промыслы находятся въ англійскихъ колоніяхъ. За послѣдніе годы, однако, французы въ значительной степени завладѣли жемчужнымъ рынкомъ.

Цѣны на жемчугъ—очень большія.

Игры и забавы.

При помощи зеркалъ

Вырѣжьте изъ бумаги фигурку. Поставьте ее между свѣчой и зеркаломъ. На стѣнѣ явится зайчикъ. На этомъ зайчикѣ будетъ видна тѣнь вашей фигурки. Если вы станете двигать фигуркой,—тѣнь зашевелится. Поставьте между зеркаломъ и свѣчой плясуна. Дергайте его за нитку. Тѣнь запляшетъ. При помощи-жезеркала можно поднять обѣ ноги въ одно время. Для этого надо имѣть зеркальный шкапъ или большое трюмо, которое должно быть не особенно прислонено къ стѣнѣ. Станьте около шкапа такъ, какъ показано на рисункѣ

т. е., чтобы изъ-за шкапа была видна только половина вашего тѣла. Она отразится въ зеркалѣ. Тому, кто будетъ смотрѣть издали, покажется у шкапа цѣлый человекъ. Это особенно хорошо удастся, если дверь будетъ пріоткрыта. Поднимите теперь ногу. Половина, отразившаяся въ зеркалѣ, тоже подниметъ ногу. Зрителю покажется, будто вы подняли обѣ ноги заразъ.

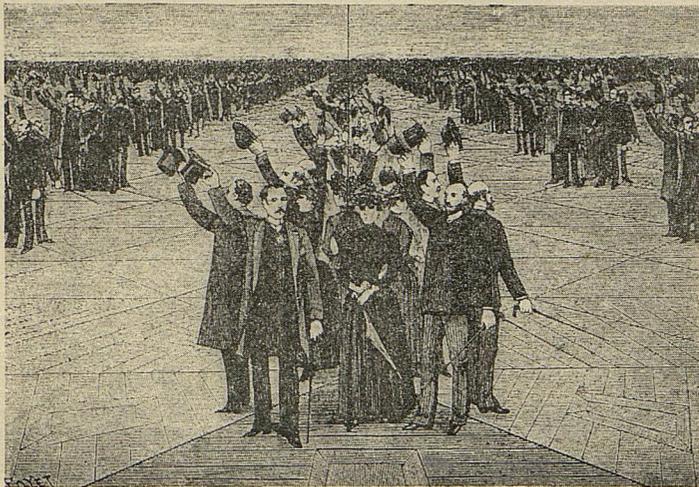
Если у васъ въ квартирѣ найдется три большихъ зеркала и вы можете смѣло объявить товарищамъ, что вы изъ одного сдѣлаете миллионы.

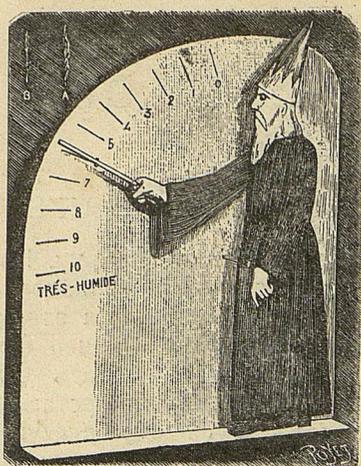
Въ вашемъ распоряженіи должны быть два шкапа и три зеркала. Шкапы вы поставите такъ, чтобы они со стѣною образовали трехгранную призму, и затѣмъ на каждый шкапъ и стѣну повѣсите по зеркалу.

Послѣ этого подведете двухъ товарищей къ вашему сооруженію и таинственнымъ голосомъ произнесете:

Однимъ движеніемъ волшебнымъ я васъ въ миллионы превращу!

Махните рукой надъ смущенными пріятелями и предложите имъ закрыть глаза. Раздвиньте шкапы. Введите внутрь вашей призмы товарищей и теперь предложите имъ открыть глаза. Въ зеркалѣ они увидятъ *эту* картину:

Какъ построить ГИГРОСКОПЪ.

Вотъ материалъ, который очень легко достать всюду и который послужитъ намъ для изготовленія гигроскопа: это—бородка овса, та ость, которая имѣется на концѣ каждого зерна до молотбы этого злака.

Вырѣжьте изъ картона фигурку и разрисуйте и раскрасьте ее по собственному вкусу; пусть, напр., она изображаетъ волшебника съ магической палочкой, или напоминаетъ вамъ какую-нибудь комическую фигуру изъ вашихъ знакомыхъ. Приколите ее, затѣмъ, съ помощью двухъ булавокъ къ куску картона, какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ; при этомъ необходимо оставить промежутокъ между картономъ и фигуркой. Главныя ваши заботы вы приложите къ устройству руки, которая должна быть подвижна. Ее предварительно нужно прикрѣпить сзади фигурки, за плечомъ, на особой булавкѣ, такъ, чтобы рука висѣла на ней внизъ и могла свободно качаться. При этомъ, вверху небольшой конецъ руки долженъ выдаваться надъ булавкой; къ этому концу съ помощью капельки сургуча приклейте однимъ концомъ бородку овса, а другой конецъ ея такимъ же способомъ укрѣпите на фигуркѣ, ниже плеча, и на такомъ разстояннн, чтобы рука держалась приподнятой, какъ это изображено на рисункѣ.

Теперь вамъ остается размѣтить приборъ. Съ этою цѣлью увлажните бородку овса вашимъ дыханіемъ: волокна ея распустятся, бородка удлинится, и рука опустится до нижней булавки; на картонѣ проведите черту въ томъ направленнн, которое приметъ указательная палочка въ опустившейся рукѣ. Затѣмъ высушите бородку овса, осторожно приближая къ ней пламя свѣчи, настолько, чтобы не поджечь бородки: волокна ея закручиваются, она укорачивается, и рука поднимается вверхъ, до верхней булавки; на картонѣ, вверху, проведите линію въ направленнн палочки. У верхней линнн поставьте цифру 0, у нижней—10; промежутокъ между этими линнн раздѣлите на десять равныхъ частей и размѣтите линнн соответствующими цифрами.

Несмотря на свое примитивное устройство, этотъ приборъ, произведенн незатѣйливаго мастерства, обладаетъ необыкновенной чувствительностью—малѣйшія измѣненн влажности въ вашей комнатѣ сейчасъ-же имъ ощущаются, и волшебная палочка вамъ ихъ показываетъ.

При этомъ № рассылаются всѣмъ подписчикамъ
приложенн:

- 1) Дѣтскій театр. Пьесы. 2) Маленькій
звѣринецъ.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корещій.